

ВСЕМИРНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР!
ПРАВА ПРОДАНЫ В БОЛЕЕ ЧЕМ 20 СТРАН МИРА!

 КАЖДЫЙ

В НАШЕЙ

СЕМЬЕ

 КОТО-НИБУДЬ

ДА УБИЛ

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ
АГАТЫ КРИСТИ И ФИЛЬМА
«ДОСТАТЬ НОЖИ»!

БЕНДЖАМИН СТИВЕНСОН

Бенджамин Стивенсон
Каждый в нашей семье кого-нибудь да
убил

*Алиша Паз. Эта книга наконец твоя.
Хотя они все были и будут.*

Вы обещаете, что детективы в ваших книгах будут тщательно и честно разбирать преступления, используя те умственные способности, которыми вам было угодно их наделить, не полагаясь при этом на Божественное Откровение и не используя женскую интуицию, заговоры, мошенничество, совпадения или вмешательство Бога?

***Клятва членов Клуба детективов –
тайного общества создателей
криминальных романов, в которое
входили Агата Кристи, Г. К.
Честертон, Рональд Нокс и Дороти
Ли Сэйерс. 1930 год***

1) Преступник должен быть упомянут в начале истории, но не должен являться тем героем, за мыслями которого читателю позволено следовать.

2) Все сверхъестественные или противоестественные факторы

рассматриваются как нечто само собой разумеющееся.

3) Допустимо использование только одной потайной комнаты или прохода.

4) Не допускается применение еще не открытых ядов или других приспособлений, которые потребуют в конце долгого научного объяснения.

5) Необходимы примечания автора: вышедшие из употребления, устаревшие выражения отредактированы.

6) Несчастные случаи никогда не должны помогать детективу, и он не должен быть наделен чрезмерной интуицией, благодаря которой оказывается прав.

7) Детектив сам не совершает преступлений.

8) Детектив не должен заострять внимание на каких-либо уликах, которые не будут немедленно представлены на суд читателя.

9) Глуповатый друг детектива, Ватсон, не должен скрывать мысли, проносящиеся у него в голове; его сообразительность лишь слегка, в очень небольшой степени уступает сообразительности среднего читателя.

10) Братья-близнецы и двойники не могут появляться в повествовании без должной подготовки к этому.

***Рональд Нокс. Десять заповедей
автора детективов, 1929 год***

Benjamin Stevenson

EVERYONE IN MY FAMILY HAS KILLED SOMEONE

Copyright © Benjamin Stevenson, 2022

First published by Michael Joseph Australia

This edition published by arrangement with Penguin Random House
Australia Pty Ltd.

The moral right of the author has been asserted

All rights reserved

Перевод с английского Евгении Бутенко

© Е. Л. Бутенко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство АЗБУКА®

Пролог

Каждый в нашей семье кого-нибудь да убил. Некоторые, особо продвинутые, убивали не один раз.

Я не пытаюсь драматизировать, просто описываю все как есть, и когда передо мной встала необходимость изложить историю на бумаге, как бы трудно ни было делать это одной рукой, я осознал, что выполнить задачу можно, только говоря правду. На первый взгляд это кажется очевидным, но современные авторы детективных романов иногда забывают прописные истины. Они больше сосредоточены на писательских трюках – на том, что у них в рукаве, а не в руке. Писатели Золотого века детективов – все эти Кристи и Честертоны – отличались честностью. Мне это известно, потому что я пишу книги о том, как писать книги. Тут есть особые правила, вот в чем дело. Один человек, его звали Рональд Нокс, был принят в цех детективщиков и однажды составил свой список таких правил, назвав их заповедями. Они помещены в начале этой книги как эпиграф, а эпиграфы читатели всегда пропускают, но, поверьте, к нему стоит вернуться. Вообще, вам следует загнуть верхний уголок той страницы. Я не стану утомлять вас подробностями, в целом они сводятся к следующему: золотое правило Золотого века детектива: «Играй по-честному».

Разумеется, это не придуманная история. Все, о чем пойдет речь, случилось со мной на самом деле. И в конце концов мне пришлось разгадывать, кто совершил убийство. Даже несколько. Хотя я забегаю вперед.

Дело в том, что я прочел много детективных романов и знаю: в большинстве подобных книг в наши дни есть так называемый не заслуживающий доверия рассказчик, то есть человек, от имени которого ведется повествование, и он имеет склонность приврать. Кроме того, я понимаю, что в изложении событий могу быть похож на него, как актер, играющий однотипные роли. Поэтому я

постараюсь сделать все совершенно иначе. Считайте меня достойным доверия рассказчиком. Каждое мое утверждение будет правдой или, по крайней мере, тем, что в моем представлении было правдой в момент, когда эти события имели место. Ловите меня на слове.

Сказанное выше соответствует заветам Нокса под номерами 8 и 9, так как в этой книге я и Ватсон, и детектив, то есть исполняю обе роли – писателя и сыщика, а посему обязан и отыскивать улики, и делиться своими мыслями. Короче, играть честно.

Сейчас я докажу вам это. Если вы взялись за чтение моего труда ради кровавых сцен, то смерти происходят или описываются на страницах: 25, 60, 80, дважды на 91-й, а на 99-й вас ждет хет-трик. Далее последует небольшой перерыв, но описание леденящих душу подробностей возобновится на страницах 201, 238, 250, 260, 282, где-то между 275 и 284 (трудно сказать точнее), 297 и 398. Обещаю, что не обманываю вас, если только верстальщик не напортачит со страницами. В сюжете есть только одна дыра, сквозь которую вы сможете проехать на грузовике. Я умею все испортить. В книге нет секса.

Что еще?

Вам, пожалуй, пригодится мое имя – Эрнест Каннингем. Это немного старомодно, так что обычно меня называют Эрн, или Эрни. Лучше было начать с этого, но я обещал быть достойным доверия, а не профессиональным рассказчиком.

Учитывая уже изложенное, трудно решить, с чего начать. Когда я говорю «все», давайте проведем черту и отсечем от фамильного древа мою ветвь, которой и ограничимся, хотя кузина Эми однажды принесла на корпоративный пикник запретный сэндвич с арахисовым маслом, в результате чего менеджер по персоналу чуть не умер, но я не стану помещать ее имя на карточку лото.

Слушайте, мы не семейка психопатов. Одни из нас хорошие, другие плохие, а некоторые просто несчастные. А какой я?

Пока не разобрался. Разумеется, некоторое отношение к этому имеет серийный убийца по прозвищу Черный Язык и 267 000 долларов наличными, но мы до этого еще доберемся. Знаю, вас, вероятно, сейчас занимает нечто иное. Я сказал «каждый». И обещал не обманывать.

Убил ли кого-нибудь я сам? Да. Убил.

Кого?

Давайте начнем.

Мой брат

Глава 1

Луч света, проникший сквозь занавески, сказал мне, что мой брат только что въехал на подъездную дорожку. Когда я вышел на улицу, первое, что я заметил, было то, что левая фара машины Майкла не горит. А второе – кровь.

Луна скрылась, до рассвета было еще далеко, но даже в темноте я понял, что это за темные пятна, измазавшие разбитую фару и здоровенную вмятину на крыле.

По натуре я не сова, но полчаса назад мне позвонил Майкл. Это был один из тех звонков, когда вы, разглядев время на часах мутным спросонья взглядом, понимаете, что вам сейчас сообщат не о выигрыше в лотерею. Есть у меня пара приятелей, которые периодически набирают мой номер из такси по дороге домой и взахлеб рассказывают о том, как отрывались сегодня вечером. Но Майкл не из их числа.

На самом деле это неправда. Я не стал бы дружить с людьми, которые звонят после полуночи.

– Мне нужно увидеться с тобой. Сейчас.

Он тяжело дышал. Номер на экране не высветился, значит Майкл звонил из автомата. Или из бара. Следующие полчаса я зябко поеживался, хотя был в теплой куртке, и протирал кружки на запотевшем окне, чтобы не пропустить появление брата. Когда фара его машины ослепила мне глаза, я бросил свой пост и улегся на диван.

Раздался рокот, Майкл остановил машину, выключил двигатель, но не электрику. Открыв глаза, я на мгновение уставился в потолок, будто знал, что стоит мне встать, и моя жизнь изменится, а потом вышел на улицу. Майкл сидел в машине, опустив голову на руль. Я разрезал одинокий луч фары надвое, когда подошел к капоту, чтобы постучать в окно водителя. Майкл вылез из машины. Лицо у него было серое.

– Тебе повезло, – сказал я, кивая на разбитую фару. – Люси тебя взгреет.

– Я кого-то сбил.

– Угу. – Я засыпáл на ходу, но мозг все равно отметил: он сказал «кого-то», а не «что-то». Как люди реагируют на такие новости? Откуда мне знать. Я решил, что поддакивать – это, вероятно, самое лучшее в такой ситуации.

– Парень. Я сбил его. Он сзади.

Тут сон мигом слетел с меня. *Сзади?*

– Что ты имеешь в виду, черт возьми?! Как это сзади?

– Он мертв.

– Он на заднем сиденье или в багажнике?

– Какая разница?

– Ты пил?

– Немного. – Он замялся. – Ну... чуть-чуть.

– На заднем сиденье? – Я сделал шаг и потянулся к дверце, но Майкл выставил вперед руку, и я замер. – Нужно отвезти его в больницу.

– Он мертв.

– Не могу поверить, что мы спорим по такому поводу. – Я провел рукой по волосам. – Майкл, да брось. Ты уверен?

– Никаких больниц. У него шея изогнута, как курительная трубка. И половина черепа вывернута наружу.

– Я бы предпочел услышать это от врача. Мы можем позвонить Соф...

– Люси узнает, – оборвал меня Майкл.

Ее имя, произнесенное с таким отчаянием, ясно обозначило подтекст: «Люси бросит меня».

– Все будет хорошо.

– Я пил.

– Немного, – напомнил я ему.

– Да. – (Долгая пауза.) – Всего чуть-чуть.

– Думаю, полиция пой... – начал было я, но мы оба знали, что произнесение в полицейском участке фамилии Каннингем вызывает духов, от появления которых содрогаются стены. В комнате, полной копьев, Майкл и я в последний раз оказались на похоронах, где нас окружало море синей формы. Я был достаточно высок, чтобы обвитья вокруг предплечья матери, но и достаточно юн, чтобы не отлепляться от него ни на минуту. В голове промелькнула мысль: «Что подумает Одри о нас, нахохлившихся от холода и обсуждающих рано поутру чью-то жизнь?» – но я отпихнул ее прочь.

– Он умер не оттого, что я его сбил. Кто-то подстрелил его, а *потом* я на него наехал.

– Угу.

Я попытался придать голосу убедительность, мол, да-да, конечно, я тебе верю, однако не случайно мой репертуар в школьных постановках составляли в основном роли без слов: животные с фермы, жертвы убийств, кусты. Я снова потянулся к ручке дверцы, но Майкл опять помешал мне.

– Я просто прихватил его. Подумал, ну... не знаю... это лучше, чем оставлять на улице. А потом не мог решить, что делать дальше, и оказался здесь.

В ответ я лишь молча кивал. Семья обладает силой притяжения.

Майкл потер губы руками и заговорил сквозь пальцы. От руля у него на лбу осталась небольшая красная вмятина.

– Не все ли равно, куда мы его отвезем, – произнес он.

– О'кей.

– Нужно похоронить его.

– О'кей.

– Прекрати повторять это.

– Хорошо.

– То есть прекрати соглашаться со мной.

– Тогда лучше отвезем его в больницу.

– Ты на моей стороне или нет? – Майкл покосился на заднее сиденье, сел в машину и завел мотор. – Я все исправлю. Залезай.

Мне было ясно, что я сяду в машину. Но почему? Вероятно, я бессознательно надеялся, что там смогу вразумить его. Но на самом деле просто видел перед собой старшего брата, который говорил, что все будет в порядке. В такой ситуации не важно, сколько тебе лет, пять или тридцать пять, раз брательник обещает уладить дело, ты ему веришь. Тяготение.

Объясню по-быстрому. Мне, вообще-то, в тот момент было тридцать восемь и станет сорок один, когда мы доберемся до настоящего времени, но я подумал: если сбрую пару годков, это поможет моему издателю подкинуть книгу какому-нибудь знаменитому актеру.

Я залез. На место пассажира. Под ногами болталась спортивная сумка «Найк» с расстегнутой молнией. Набитая купюрами. Не стянутыми в пачки аккуратненько тонкими резинками или бумажными лентами, как в кино, а просто насованными внутрь, и сумка буквально выблевывала их на пол. Странно было топтать эти деньги ногами, такую кучу, притом что человек на заднем сиденье, вероятно, погиб из-за них. Я не смотрел в зеркало заднего вида. Ну ладно, пару раз глянул мельком, но увидел только черный ком, больше похожий на дыру в мироздании, чем на настоящее тело, и каждый раз отводил взгляд, как только возникала опасность, что он сфокусируется.

Майкл задним ходом выехал с подъездной дорожки. Невысокий стакан или что-то в этом роде звякнул по приборной панели, упал на пол и закатился под сиденье. Слегка пахнуло виски. Впервые я обрадовался, что мой брат курит в машине травку, потому что впитавшийся в обивку кресел душок марихуаны маскировал запах смерти. Когда мы подпрыгнули, съезжая с поребрика, клацнула крышка багажника, замок на ней был сломан.

Меня пронзила ужасная мысль: у машины Майкла разбита фара и помят багажник, как будто он ударился обо что-то дважды.

– Куда мы едем? – поинтересовался я.

– А?

– Ты знаешь, куда едешь?

– В заповедник. В лес. – Майкл посмотрел на меня, но не выдержал моего взгляда, воровато покосился на заднее сиденье, тут же пожалел об этом и перевел глаза вперед. Его затрясло. – Вообще-то, я не знаю. Мне до сих пор не приходилось никого хоронить.

Мы ехали уже больше двух часов, когда Майкл наконец решил, что насобирал достаточно грязи с грунтовых дорог, и свернул на своем рычащем циклопе с мотором на какую-то поляну. Пару километров назад мы соскочили с пожарного проезда и с тех пор колесили по бездорожью. Солнце грозило вот-вот взойти. Земля была укрыта сверкающим мягким снегом.

– Здесь сойдет, – сказал Майкл. – Ты в порядке?

Я кивнул. Или, по крайней мере, подумал, что сделал это. Должно быть, я вообще не шевельнулся, так как Майкл щелкнул пальцами у меня перед носом, чтобы вывести из ступора. В ответ я исполнил слабейший в человеческой истории кивок, словно мои позвонки – это ржавые кандалы. Майклу этого хватило.

– Не вылезай, – велел он.

Я уставился прямо перед собой. Услышал, как брат открывает заднюю дверцу и возится там, вытаскивая мужчину – дыру в мироздании – из машины. Мозг кричал, чтобы я что-нибудь сделал, но тело вело себя как предатель. И не шевелилось.

Через несколько минут Майкл вернулся – взмокший, лоб испачкан грязью – и склонился над рулем.

– Пошли, поможешь мне копать.

В ответ на его приказ члены моего тела разблокировались. Я ожидал, что земля будет холодная, думал, что услышу хруст утреннего ледка под ногами, но вместо этого мои ступни сразу погрузились в мягкий белый покров до самых лодыжек. Я пригляделся. Земля была не укрыта снегом, а затянута паутиной. Пауки накинули свои сети на высокую жесткую траву примерно в футе над землей, и эти переплетенные между собой нити паутины

были такими густыми и белыми, что выглядели твердой поверхностью. То, что я принял за блестящий снег, оказалось мерцанием тончайших нитей на свету. Следы Майкла напоминали дырки в пудре. Паутиной была оплетена вся поляна. Место источало величественный покой. Я старался не смотреть на комковатую темную грудку посреди паучьего царства в том месте, где заканчивались следы Майкла. Я пошел по ним, и это было все равно что брести сквозь парящий над землей плотный туман. Брат увел меня в сторону от трупа, вероятно, чтобы уберечь от нервного срыва.

У Майкла была небольшая лопата, но мне он велел копать руками. Не знаю, почему я на это согласился. Всю дорогу сюда я думал, что страх Майкла, лихорадочная тревога, владевшая им, когда мы уезжали, улягутся. Должен был наступить момент просветления – осознания, что он увяз по уши и нужно поворачивать назад. Но мой брат поехал в противоположную сторону. Покинув город, он устремился навстречу заре, полный стоического спокойствия.

Тело Майкл накрыл старым полотенцем, но я видел белый локоть, который торчал наружу над паутиной, как упавший с дерева сук.

– Не смотри, – повторял Майкл всякий раз, стоило мне взглянуть в ту сторону.

Минут пятнадцать мы молча рыли землю, потом я остановился.

– Копай дальше! – приказал Майкл.

– Он шевелится.

– Что?!

– Он шевелится! Смотри. Погоди.

Паутинная пелена определенно подрагивала. Сильнее, чем ее мог бы раскачать ветер. Теперь казалось, что это не плотный снег, а покрытая рябью поверхность океана. Я почти ощущал бегущую по нитям вибрацию, как будто сам был пауком, который сплел паутину, центральным нервом.

Майкл перестал копать и посмотрел на меня:

– Иди обратно в машину.

– Нет.

Сам он подошел к телу, снял с него полотенце. Я поплелся за братом и впервые увидел труп целиком. Над одним бедром у него было темное глянцевиное пятно. «Кто-то подстрелил его, а потом я на него наехал», – сказал Майкл. Не мне судить, стрельбу я видел только в кино. На шее у мужчины виднелась выпуклость, словно он проглотил мяч для гольфа. На голове была черная балаклава, но довольно странной формы. Сквозь ткань в разных местах проступали какие-то шишки. В школе меня доставал один парень, он клал два крикетных мяча в носок и размахивал им, подходя ко мне. Вот как выглядела эта балаклава. Мне показалось, что только ткань не дает голове трупа распастись на части. В ней имелись три отверстия: два для закрытых глаз и одно для рта. На губах у мужчины пульсировали маленькие красные пузырьки. Пена накапливалась и стекала на подбородок. Черты лица было не разглядеть, но, судя по крапчатым, опаленным солнцем рукам со вздутыми венами на кистях, он был лет на двадцать старше Майкла.

Я опустился на колени, сцепил руки и пару раз для пробы надавил бедняге на грудь. Грудная клетка ввалилась, как не должна была, я это знал, и мгновение я думал только об одном – что она как та набитая деньгами сумка с расстегнутой молнией и прогнувшейся серединой.

– Ты делаешь ему хуже, – сказал Майкл, подцепил меня под руку и поднял на ноги, собираясь увести.

– Надо доставить его в больницу, – попытался напоследок взмолиться я.

– Он этого не выдержит.

– Может, выдержит.

– Не может.

– Мы должны попробовать.

– Я не могу ехать в больницу.

– Люси поймет.

– Нет.

– Ты уже наверняка протрезвел.

– Может быть.

– Ты не убивал его... Ты же сказал, его подстрелили. А деньги чьи? – (Майкл пробурчал что-то невнятное.) – Он наверняка их украл. Скорее всего. Ты выкрутишься.

– Там двести шестьдесят тысяч.

Читатель, мы с вами уже знаем, что на самом деле их было двести шестьдесят семь тысяч, но тогда меня поразило, что у Майкла не было времени вызвать «скорую», а наскоро пересчитать наличные он успел. В противном случае, если бы он высказывал предположение, то назвал бы какое-нибудь более круглое число – двести пятьдесят тысяч, например. Кроме того, сумма была произнесена как-то призывно. По тону я не мог понять: то ли он предлагает мне часть денег, то ли констатирует факт, который важен для принятия решения.

– Слушай, Эрн, это наши деньги... – начал упрашивать меня Майкл.

Значит, это было предложение.

– Мы не можем просто оставить его здесь. – И потом я добавил так твердо, как не говорил ни разу в жизни: – Я не оставлю.

Брат немного подумал и кивнул:

– Пойду проверю, как он там.

Отойдя от меня, Майкл присел на корточки рядом с телом. Пробыл там пару минут. Я был рад, что приехал, и продолжал тешить себя мыслью, что поступил хорошо. Старший брат редко прислушивается к словам младшего, но без меня ему здесь не обойтись. И я сделал все правильно. Этот мужик все это время был жив, и мы отвезем его в больницу. Майкл высокий, и мне было плохо видно, что происходит, только его согнутая спина и руки, тянущиеся к голове мужчины, – видимо, он догадался поддержать ее на случай повреждения позвоночника. Худые плечи Майкла двигались вверх-вниз. Сердечно-легочная реанимация, запуск человека, как газонокосилки. Я видел ноги раненого. На одной не было ботинка.

Мой брат провел рядом с телом уже довольно много времени. Что-то не ладилось. Мы на странице 25.

Майкл встал и вернулся ко мне:

– Теперь можно его хоронить.

О чем он? Нет. Нет. Все это неправильно. Я отшатнулся и грохнулся на задницу. Липкие нити паутины обвили мои руки.

– Что случилось?

– Просто он перестал дышать.

– Перестал дышать?

– Да, перестал.

– Он мертв?

– Да.

– Ты уверен?

– Да.

– Но как же так?

– Он просто перестал дышать. Иди подожди в машине.

Моя сводная сестра

Глава 2

До моей личной истории мы еще доберемся, но сперва я должен рассказать вам еще кое о ком. Убил бы того, кто придумал, что воссоединение нашей семьи должно произойти на горнолыжном курорте.

Обычно я решительно отвергаю любые приглашения, к которым прилагается Excel. Но тетя Кэтрин – спец по излишне тщательной подготовке ко всему, и в присланном ею электронном письме приглашение на воссоединение семьи Каннингем-Гарсия завершалось анимированной пиксельной снежинкой и списком лиц, присутствие которых обязательно. В семейных кругах я хорошо известен как мастер отговорок – не то чтобы кто-то действительно был против моего отсутствия на подобных мероприятиях в последние три года, – в моем репертуаре появлялись то заболевшее животное, то разбитая машина, то рукопись, требующая немедленного завершения.

На этот раз Кэтрин не принимала отказов. Приглашение обещало веселые выходные в уединении, где мы все сможем наверстать упущенное. Она выделила жирным шрифтом слова **«мы все»** и **«обязательно»**. И хотя «мы все» не имело в виду конкретно меня, я знал, что это означало, а следовательно, собирался поехать. Кроме того, в промежутках между заполнением таблицы, где нужно было указать, есть ли у меня аллергия на что-нибудь, каков размер моей обуви, какой стейк я люблю, какой номер у моей машины, я позволил себе пофантазировать об одетой в снежные шапки деревушке и выходных, радующих бревенчатыми домиками и треском горящих в очагах дров.

Вместо этого у меня от холода разболелись колени, и я на час опоздал на ланч.

Я не предвидел, что дорогу никто не расчистит. День стоял ясный, неяркое солнце слегка подтопило укатанный снег, и шины моей

«хонды-цивик» стали проскальзывать, так что пришлось вернуться по своим следам к подножию горы и по баснословной цене взять в аренду цепи, а потом стоять на коленях в снежной каше и, упираясь плечом в корпус машины, с большой натугой надевать их на колеса, сбивая с носа сопли, которые мигом превращались в ледяные сталактиты. Я так и торчал бы там, если бы женщина со шноркелем^[1] не подъехала на «лендровере» и с легкой укоризной не подала мне руку помощи. Снова получив возможность двигаться, я то и дело поглядывал на часы, стрелки на которых неуклонно ползли вперед, и разрывался между желанием прогреть машину и необходимостью разморозить стекла с помощью кондиционера, но дергался я напрасно: на мне теперь были цепи, и я не мог ехать быстрее сорока. Насколько опаздываю, я знал точно благодаря присланной Кэтрин таблице с расписанием.

Наконец я увидел поворот и пирамиду из камней с указателем: «Горный курорт „Небесный приют“!», призывавшим ехать направо. Я мысленно добавил: «Спасайся, кто может». По-моему, неплохой совет, учитывая грядущую встречу Каннингемов. Поделиться шуткой было не с кем, но, наверное, она понравилась бы Эрин, так что она рассмеялась у меня в голове, и я приписал эту заслугу себе. Я понимаю, это мило, что наши имена – Эрни и Эрин – анаграммы. Когда нас раньше спрашивали, как мы познакомились, мы отвечали: «По алфавиту». Знаю, это безвкусица.

Правда гораздо более незамысловата: нас связало то, что мы выросли в семьях с родителем-одиночкой. В момент знакомства Эрин рассказала мне, что ее мать умерла от рака, когда сама она была еще маленькой, и ее вырастил отец. О своем я сообщу вам позже. Но Эрин о нем уже знала, когда мы встретились, дурную славу легко загуглить.

У поворота стояло приземистое здание, похожее на пивную, о чем свидетельствовала табличка со скупой надписью: «ПИВО!», сделанная фасадной краской. К стене прислонялись ряды лыж. В таких заведениях вы, скорее, будете от жажды лизать оконные

стекла, чем купите себе какой-нибудь напиток, а шеф-поваром там служит микроволновка. Но я все равно мысленно взял на заметку эту халупу как потенциальное убежище. В конце концов, выходные посвящены воссоединению семьи. Я ожидал, что состоится серия приемов пищи, которые из тактических соображений будут происходить в разных обособленных помещениях. А значит, нелишне иметь дополнительные варианты.

О! Между прочим, Эрин вовсе не умерла. Я понимаю, прозвучавший намек на былую страсть подталкивает к мысли, что позже я расскажу, что она была мертва все это время, поскольку такое зачастую происходит в подобных книгах, но не в этой. Эрин приедет в горы на следующий день. Мы даже формально еще женаты. К тому же номера страниц не совпадают.

Вскоре после поворота я заметил, что больше не еду в гору, а наоборот, спускаюсь. Еще немного, и вот я уже вырвался из-под покрова деревьев и оказался на перевале, с которого открывался восхитительный вид на долину, где разместился «Небесный приют». Разрекламированный как самый высокогорный курорт в Австралии – по-моему, это все равно что хвастаться тем, что ты самый высокий жокей в мире, – он мог предоставить туристам возможность сыграть в гольф на поле с девятью лунками, выдолбленными прямо в горном склоне, порыбачить в кишасщем форелью озере и покататься по нему на лодке, уютно посидеть у огонька, оживиться (что бы это ни значило), получить доступ к соседнему лыжному курорту (подъемник, разумеется, в стоимость не включен) и даже к частной вертолетной площадке. Я цитирую рекламный буклет, потому что ночью валил густой снег и все – от дороги, расстилавшейся передо мной, до поля для гольфа, на прохождение которого теперь потребовалось бы четыреста ударов, и плоской тундры в паре сотен метров вниз по склону от гостевого дома, которую я принял за озеро, – было засыпано свежей белой пудрой. Долина выглядела одновременно плоской и рельефной, маленькой и бесконечной.

Я мягко покотился вниз, не чуя беды. Белизна имеет привычку нарушать восприятие глубины, и если бы не небольшая коллекция полузасыпанных снегом домишек в самом низу для сопоставления масштабов, я мог бы вообще не заметить крутизны склона, пока давить на тормоза не стало бы бесполезно, и я слетел бы вниз, где оказался бы совсем мертвым и успел бы как раз к ланчу.

В центре курорта стоял многоэтажный гостевой дом с колоннами при входе, выкрашенный в ярко-желтый цвет, чтобы выделяться на фоне гор. Он пыхал дымом из кирпичной трубы, которая напоминала приставленную к боковой стене удочку, а его крыша – воплощенная мечта рекламщика – была засыпана толстым слоем снега. В пяти рядах окон некоторые светились мягким желтым светом, как в адвент-календаре. Перед гостевым домом выстроилась дюжина шале – два ряда по шесть, – их рифленые металлические крыши опускались до самой земли под теми же углами, что и склон горы, из фасадных окон во всю стену от пола до потолка открывался беспрепятственный вид на главную вершину. Для меня был забронирован один из этих акульих зубов. Но который из них шестой, мое место назначения согласно путевому листу Кэтрин? Не зная этого точно, я подкатил к парковке сбоку от гостевого дома, где стояли несколько машин.

Некоторые я узнал: внедорожник «мерседес» моего отчима, у которого сзади на стекле висела фальшивая наклейка «Малыш на борту», он, видите ли, считает, что так его реже останавливают копы на дороге; «вольво»-универсал тети Кэтрин, уже присыпанный снегом, потому что она приехала днем раньше; машина Люси [МАРКА МАШИНЫ УДАЛЕНА], сливающаяся со снегом, много раз выложенная в Instagram и расхваленная как «награда за труд». «Лендровер» моей спасительницы тоже был здесь – а как же иначе; в таких книгах он должен иметь номерной знак «M33T-QT». Автомобиль я опознал по огромному пластиковому шноркелю.

Кэтрин пересекла парковку прежде, чем я вышел из машины, она слегка прихрамывала – результат автомобильной аварии, в которую

она попала, когда ей было немногим больше двадцати. Тетя Кэтрин подходила под словарное определение понятия «сестра-малышка» для моего отца, разрыв в возрасте между ними так велик, что, когда моя мать после тридцати произвела на свет нас, мальчиков Каннингемов, я был ближе по годам к своей тетке, чем моя мать – к своей невестке. Так что, пока я рос, Кэтрин казалась мне молодой, энергичной и веселой. Она привозила нам подарки и забавляла фантастическими историями. Думаю, она была популярна, так как на семейных барбекю в ее отсутствие все говорили о ней. Однако с возрастом приходит понимание, и теперь мне ясна разница между популярностью и тем, чтобы быть предметом для разговоров. Все изменилось из-за мокрой дороги и автобусной остановки. Во время аварии ей здорово переломало кости и помяло ногу, но это же привело ее в порядок. Теперь вам нужно знать о Кэтрин только то, что ее любимые фразы – это «Не поздноато ли?» и «Ответ на мое предыдущее письмо».

На ней был ярко-синий термокостюм под пухлым жилетом «Норт Фейс», водоотталкивающие штаны и туристские ботинки, на вид жесткие, как зачерствелый хлеб. Все безупречно чистое и новехонькое, будто только что с витрины. Можно подумать, она вошла в магазин товаров для путешествий, указала на манекен и сказала: «Мне вот это». Ее супруг Эндрю Милло (мы называем его Энди) шел за ней следом, но держал дистанцию и вид имел жалкий, будучи одет совсем не по погоде – в джинсы и кожаную куртку. Он, похоже, проторчал немало времени в том же туристском магазине, поглядывая на наручные часы. Не взяв ни сумку, ни куртку, я поспешил наперерез тете Кэтрин, решив, что пусть лучше меня отхлещет холодный ветер, чем ее язык.

– Мы поели, – только и сказала она, что, вероятно, должно было сойти одновременно за упрек и наказание.

– Кэтрин, прости. После Джиндабайна мне было никак не заехать в гору. Снегу навалило. – Я указал на цепи на колесах. – К счастью, мне помогли надеть их.

– Ты что, не посмотрел прогноз погоды перед выездом? – Голос тетки прозвучал недоверчиво, мол, неужели можно совершить такое предательство по отношению к пунктуальности и здравому смыслу, не говоря уже о погоде?! Я признался, что не посмотрел. – Но ты должен был учесть это.

Я согласился, что должен был.

Кэтрин задвигала нижней челюстью. Я достаточно хорошо знал ее, чтобы понимать: она хочет сказать последнее слово, а потому молчал.

– Ну хорошо, – наконец выдала моя тетка и припечатала ледяной поцелуй к моей щеке. Я никогда не знал, как реагировать на приветствие щека в щеку, но решил последовать совету родственницы и учесть погоду, то есть штормовое настроение, а потому огласил воздух мяуканьем рядом с ее лицом. Она вложила мне в руку ключи и сказала: – Наш номер не был готов вчера, так что ты теперь в четвертом. Сейчас все в столовой. Рада тебя видеть.

Кэтрин направилась обратно в гостевой дом. Я не успел даже завести с ней какой-нибудь пустячный разговор, но Энди ждал этого момента и пошел рядом, подставив мне плечо в виде небрежно брошенного «привет», вместо того чтобы вынуть кулаки из карманов и протянуть руку. Холод пронизывал меня насквозь, но теперь я был принужден общаться, а моя куртка продолжала томиться в машине. Ветер был жесток; он находил каждую щелку в моей одежде, влезал под нее и ощупывал меня сверху донизу, будто я должен ему денег.

– Извини за это, – начал Энди. – Не принимай ее всерьез.

В этом весь Энди – хочет одновременно быть своим в доску и защитить жену. Он из тех парней, которые на вечеринке все время говорят: «Да, дорогая», а когда она уходит в туалет, качают головой и добавляют: «Пфф, женщины, да?» Нос у Энди красный, но трудно судить, от алкоголя или от холода, очки слегка запотели. Короткая, угольно-черная козлиная бородка сидит на его лице так, будто взята в займы у мужчины помоложе; Энди немного за пятьдесят.

– Я не исполнял танец вызывания дождя вчера вечером, просто чтобы позлить ее, – сказал я.

– Знаю, приятель. Это непростой уик-энд для всех. И ты не смейся над ней из-за того, что она пытается немного облегчить нашу участь. – Энди замолчал. – Да ладно, не беда, это не помешает нам пропустить по паре пива.

– Я не смеялся над ней. Просто опоздал. – На крыльце я увидел свою сводную сестру Софию, она курила сигарету и при нашем приближении подняла брови, как бы предупреждая: «Внутри еще хуже».

Энди несколько шагов молчал, а потом, хотя я внутренне молил его не делать этого, втянул в себя воздух и сказал:

– Да, но... – (И я решил: нет более печального зрелища, чем мужчина, который пытается вступить за женщину, которая сама способна за себя постоять.) – Она столько провозилась с этими приглашениями, и не стоило тебе смеяться над ее таблицами.

– Я ничего не говорил.

– Не сейчас. Когда отвечал на письмо. В графу «Аллергии» ты вписал: «Таблицы».

– О! – произнес я.

София услышала нас и усмехнулась, при этом из носа у нее вылетели две струйки дыма. Эрин, которая не умерла, это тоже понравилось бы. Энди не стоило произносить вслух то, что я написал в колонке «Ближайший родственник» («Это воссоединение семьи, поэтому все, кроме Эвеланш»)^[2], чтобы я почувствовал себя настоящим занудой.

– Я не буду принимать ее всерьез, – добавил я.

Энди улыбнулся, обрадованный, что его супружеские добродетели, пусть и не слишком искренние, были отмечены галочкой.

Он ушел в дом, жестами показав, что закажет мне какую-нибудь выпивку, дабы наш мальчишеский сговор не остался втуне, а я притормозил на крыльце поздороваться с Софией. Будучи родом из

Эквадора, из кипучего Гуаякиля, она ненавидела холод, и я увидел у нее на шее под пальто по крайней мере три воротника. Голова Софии была похожа на бутон цветка, торчащий из кольца чашелистиков. Даже тепло одетая, она обхватывала себя одной рукой за талию, чтобы было теплее. Я знал, что лучше ее приспособлен к холоду, так как не раз принимал ледяные ванны (забавный факт: низкие температуры, похоже, повышают мужскую фертильность), но не хотел разговаривать с ней долго: холод буравил меня. Она предложила мне сигарету, хотя знала, что я не курю; просто ей всегда нравилось это делать. Я отмахнулся от дыма.

– Неплохое начало, – насмешливо произнесла София.

– Заводи друзей быстро – вот мой принцип.

– Рада, что ты наконец приехал. Я ждала тебя как спасителя – знала, что ты разрядишь обстановку. Вот.

Она протянула мне небольшую квадратную карточку с напечатанной на ней решеткой. Внутри каждой клетки была короткая фраза, имевшая отношение к одному из членов семьи: «Марсело орет на официанта»; «Люси пытается что-нибудь продать». Я заметил свое имя: «Эрнест что-нибудь испортит» – в средней левой колонке.

– Семейное лото? – спросил я, прочтя заголовок: «Воссоединение».

– Решила, это будет забавно. Сделала карточки только для нас с тобой. – София подняла вверх свою, и я увидел, что на ней одна из клеток уже перечеркнута крест-накрест. – Все остальные такие кислые. – Моя сестра сморщила нос.

Я выхватил у нее из руки карточку. Определения на ней отличались от тех, что на моей, но имелось несколько общих событий. Грамматические выверты повсюду, случайные прописные буквы для эмфазы, абсурдные скобки, отсутствие точек. Одни дефиниции были более язвительными, другие менее. На меня можно положиться в том, что я опоздаю, а Марсело непременно примется отчитывать персонал отеля, но в нижнем правом квадрате

значилось: «Лавина». Я посмотрел на свою карточку, в том же месте было написано: «Сломанная кость (ИЛИ Кто-то умирает)» с нелепой здесь улыбающейся рожицей. В квадрате, который София уже зачеркнула, стояло: «Эрнест опоздает».

– Нечестно. – Я вернул ей карточку.

– Ты лучше догоняй нас. Пошли?

Я кивнул. София закончила курить и щелчком отправила окурок с крыльца в сугроб. На фоне пушистой свежей белизны он смотрелся вызывающе неуместным. Сестра с унылым видом глянула на меня, потом лениво спустилась с крыльца, нагнулась, подняла окурок и положила его в карман.

– Знаешь, – сказала она, заводя меня в дом, – тебе придется быть милым, если хочешь остаться живым после этих выходных.

Клянусь Богом, она на самом деле так сказала! И даже подмигнула мне. Как будто рассказывала интригующую историю.

Глава 3

Сам гостевой дом представлял собой охотничий домик, замаскированный под отель «Риц»: на всех поверхностях из полированного дерева, перилах и дверных ручках имелся какой-нибудь резной акцент, вкрученные в настенные бра электрические лампочки в форме цветов из матового стекла источали мягкий свет, а в холле был расстелен красный ковер, который дополняла подвешенная к крыше и низко опущенная люстра, мерцавшая на уровне галереи второго этажа. На самом деле выше талии все было достаточно элегантно, чтобы загладить впечатление, которое оставляла изгвазданная снегом нижняя половина: гостиничный эквивалент видеозвонка без штанов, но в рубашке с галстуком. Ковры, истоптанные ботинками, стряхивавшими налипший снег, лежали поверх вспученных досок пола, которые скрипели так, будто их плохо приколотили, а сшитые из кусков дорожки и наскоро заделанные мышинные норы свидетельствовали, что этим зданием управляют под девизом: легче все исправить на скорую руку, чем тащить в горы хорошего мастера. Не говоря уже о сырости. Все здание пахло, как моя машина, оставленная под грозовым ливнем с открытым люком на крыше. Высота добавляет несколько звезд к рейтингу отеля, этот имел две, а пытался наскрести на четыре, но все же обладал неким уютным шармом.

К моменту моего появления в столовой, где все сидели за десертом, разговор выдохся, и меня встретила симфония клацающих по тарелкам ложечек. Моя мать Одри, занимавшая место во главе стола, смерила меня холодным взглядом. У нее седые, как рыболовная леска, волосы, скрученные в узел, и шрам над правым глазом. Она замялась – вероятно, гадала, я это или мой брат (мы оба давненько с ней не виделись), – а потом отодвинула стул, с грохотом положив столовые приборы. Эту технику прекращения спора я помню с детства.

Марсело, мой отчим, сидел слева от нее. Это крепко сбитый лысый мужик с характерной складкой на загривке, которую, как я всегда думал, ему приходится чистить зубной нитью, чтоб не зарастала плесенью. Он опустил тяжелую длань на запястье Одри. Не беря под контроль, нет. Я вовсе не хочу неправильно интерпретировать личную жизнь матери или провоцировать вас на любые предвзятые суждения об отчине. Видите ли, Марсело всегда носил на руке выпущенные в конце 1980-х платиновые президентские часы «Ролекс». Когда я из любопытства загуглил их, то узнал, что они имели сногшибательную цену и, оказывается, весили почти полкило, а значит, все, что Марсело делал правой рукой, было в буквальном смысле слова весомым. Рекламное объявление об этих часах, как я помню, звучало до смешного напыщенно: «Фамильная реликвия должна быть достаточно весомой для истории». Марсело носил на руке «Ролекс», сколько я его помню. Что говорило: мне эта реликвия в наследство не достанется. Каким бы глупым ни был процитированный выше рекламный слоган, он все-таки выглядел лучше, чем некоторые другие тексты того же рода, попадавшие мне на глаза, например: «Выдержит погружение на триста метров. Пуленепробиваемое стекло. Безопасность на уровне банковского хранилища». Можно подумать, миллионеры в свободное время только и делают, что подрабатывают инструкторами по подводному плаванию!

– Я закончила, – сказала Одри, со стуком стряхивая руку Марсело.

Ее тарелка была все еще наполовину полной.

– О, повзрослей уже! – фыркнула София, занимая место рядом с Люси, моей невесткой, которую, как вы, наверное, помните, упоминал в первой главе Майкл и которая сидела напротив Марсело.

Люси явно почистила перышки для этого уик-энда: светлые волосы недавно подстрижены в стиле боб, а из-под ворота только что купленного вязаного кардигана торчит несрезанный ярлычок. Не знаю, осмелела София из-за присутствия Люси в качестве щита или

просто не заметила близости моей матери к режущим предметам, но такие ремарки для кровного родственника самоубийственны. Однако погибла лишь решимость моей матери выйти из-за стола. Одри со скрипом опустилась на место.

Одри и Кэтрин составляли пунктуальную часть семьи. Я тихо пристроился рядом с Софией перед накрытой серебристым куполом тарелкой. Оказалось, кто-то приберег для меня порцию основного блюда – кусок говядины, приготовленной по спецификации электронной таблицы, и Кэтрин, вероятно, некоторое время взирала на металлический клош сверкающим взглядом, так как еда под ним была еще чуть теплой. Рядом с Люси тоже стояла дополнительная тарелка, – видимо, невестка умыкнула мою закуску, и я терялся в догадках: была Люси так сильно голодна или это продуманный жест?

Вам нужно кое-что знать про меня: я люблю рассматривать вещи тщательно. Всегда хочу видеть обе стороны медали.

– Ну, – начал Энди и хлопнул в ладоши, пытаясь растопить лед; столь глупую попытку мог совершить только человек, вошедший в семью по браку. – Как вам это местечко, а? Все уже побывали на крыше? Я слышал, там есть джакузи. И оттуда можно сделать первый удар. Консьерж сказал, что тому, кто попадет в метеостанцию, дадут сотню баксов. Кто хочет попробовать?

Он попытался отыскать в своих соседях энтузиазм и уставился на Марсело, одетого и правда, скорее, для игры в гольф, чем для прогулки в снегах: на нем был клетчатый вязаный жилет, и даже я понимал, что он хлопковый, а не шерстяной, то есть это чистая жажда смерти при таких сырости и холоде. Хотя я и подвергся молчаливому осуждению со стороны женщины со шноркелем и полным приводом, но, по крайней мере, прихватил с собой теплую флисовую куртку.

– Эрн? – продолжил Энди, оглядывая стол.

Кэтрин, сидевшая между ним и Марсело, тихонько ткнула его локтем. Разговаривать с врагом было запрещено.

Все ели молча, но я знал, что каждый за этим столом разделяет мои мысли: чья бы ни была идея – устроить этот уик-энд на день раньше, когда все мы знали, что тот, ради кого мы приехали, появится здесь только завтра, так вот, человек этот заслуживает того, чтобы быть привязанным к салазкам и спущенным с горы.

Многое можно узнать о людях по их способности справляться с неловким молчанием, по тому, переносят они его спокойно или прерывают. Кажется, наименьшим терпением отличаются те, кто стал частью семьи по браку, так как следующей попыталась завести разговор Люси.

Расскажу вам о ней немного. Люси владеет независимым онлайн-бизнесом, иными словами, периодически теряет деньги в Интернете. Она Владелица Малого Бизнеса в том же смысле, в каком Энди – феминист, то есть заявляет об этом громко, часто и одна верит тому, что говорит.

Не стану называть компанию, так как не хочу подвергнуться судебному преследованию, но помню, что какое-то время назад Люси повысили до вице-заместителя регионального президента или что-то в этом роде, вместе с десятью тысячами других людей. Надуманный титул, если, конечно, не относить его к ее собственному порочному умению встраивать друзей в покупку ненужных вещей, а в этом Люси и правда большой специалист, не хуже президента. Именно поэтому она стала обладательницей машины, которую я видел перед отелем. Согласно постам в Instagram, четырехколесная лошадка была получена в награду за участие в какой-то специальной программе. Я-то знал, что на самом деле тачка эта просто взята в лизинг, а подарком являлась только ежемесячная выплата под строжайшим условием, что в случае нарушения договора вся «бесплатная» часть сделки аннулируется и владелец остается с кредитом под очень высокий процент, то есть машина досталась Люси бесплатно, пока этот период не закончится.

Я не сомневался, что моя невестка уже нарушила какие-нибудь пункты договора и платит за тачку из своего кармана. Но в том-то и

ключ ко всему: никогда не позволяйте реальности затмевать образ успеха. Один мой приятель, автодилер, как-то сказал мне, что ему пришлось ввести запрет на фотографирование рядом с автомобилями для определенного типа женщин, которые изображали, будто вправе помещать в Интернете посты о «приобретении дорогой машины». Дамочки убывали в ярости, лязгая своими прокуренными хетчбэками с гигантскими красными бантами на задних сиденьях, которые так и остались невостребованными. Вот почему, как вы теперь понимаете, я отредактировал марку машины Люси, такие автомобили специфически привязаны к одной определенной компании.

Люси прибегает к риторике – называет свое занятие бизнесом и напрягается всякий раз, как кто-нибудь произносит *то самое* слово. Из уважения к родственнице я тоже не буду его использовать. Скажу только, что их строили египтяне.

Пытаясь соответствовать требованиям семьи, Эрин послушно посещала «вечеринки» Люси и покупала самые дешевые товары из тех, которые та втюхивала в том месяце. По возвращении домой моя супруга печатала счет с названием ресторана и ценой, кратной тому, насколько скучным или утомительным было сборище, и оставляла его на моей подушке. Это называлось «Налоговый вычет за родственные связи»: подкручиватель для ресниц \$15; цена ġ 3 (стоимость урока по макияжу); > 1 часа, сверхурочные ġ 1,5 = \$ 52,50. Красота по-итальянски.

– Все добрались сюда нормально? Я попала в скоростную ловушку – двести двадцать долларов за превышение на каких-то семь миль в час. Просто обхохочешься, – сказала Люси.

Облегчение оттого, что это не продажный заход, было почти осязаемым, хотя фраза невестки не оправдала утверждение из моей карточки семейного лото («Люси попытается что-нибудь ПРОДАТЬ»).

– Государственные доходы нужно повышать, – поддержал разговор Марсело. – На дорогах дополнительные полицейские патрули ловят туристов, а местных отпускают. Вот почему и

ограничение скорости – сорок миль в час. На таких дорогах должно быть семьдесят, но вас хотят вывести из терпения.

– По-твоему, тут есть повод для суда? – с надеждой спросила Люси.

– Ни малейшего. – Едва ли Марсело намеренно демонстрировал отсутствие интереса, пусть честное, но столь холодное, что от него заледенел весь стол.

– Все уже побывали в своих шале? Они милые. – Теперь беседу попыталась завести Кэтрин. – Мы провели здесь ночь, и утром виды просто... – Она оборвала себя, будто в мире нет таких слов, которые могли бы описать одновременно красоту восхода и ее умение находить горные виды по сходной цене.

– Я не думал, что нам придется ходить от отеля до наших номеров, – медленно произнес Марсело.

– Поверь мне, это гораздо лучше комнат здесь, – кинулась защищаться Кэтрин, будто владела акциями этого курорта. – Кроме того, я хотела, чтобы у *него* было пространство. Понимаешь? Где разложиться. Приятный вид. А не какая-то тесная комнатенка размером не больше...

– Вряд ли ему будет до этого дело, если есть свежее постельное белье и холодное пиво, – заметила Люси.

– Это не значит, что *мы* не можем поселиться в главном здании, – проворчал Марсело.

– Нам дали скидку на аренду шести шале, не забыл?

– Это может покрыть твой штраф за скорость. – Я не мог устоять и подколот Люси, но одна лишь София озарила меня вспышкой улыбки, остальные проигнорировали.

Марсело запустил руку в карман и выудил оттуда бумажник.

– Сколько тебе нужно, чтобы поменять для меня комнату?

– Ты справишься с прогулкой, папа, – сказала София. – Я буду таскать тебя на закорках, если хочешь.

Это наконец вызвало у него кривую усмешку.

– Я ранен, – театрально простонал мой отчим, хватаясь за правое плечо.

София, хирург, года три назад собственноручно восстанавливала ему плечевой сустав, и он давно был вылечен. Марсело явно прибеднялся. Как бы то ни было, а он выглядит вполне здоровым, когда отвешивает мне удар в тридцать второй главе.

Обычно хирургам не позволяют оперировать членов семьи. Но Марсело привык добиваться желаемого и настоял на том, что доверится только рукам дочери. Нюх больничного начальства на потенциальных богатых жертвователей, по иронии, закрыл ему же глаза на нарушение правил, когда речь зашла о строительстве крыла Гарсия в офтальмологическом центре.

– Уймись, старик, – пошутила София, накалывая на вилку кусок мяса. – Я слышала, у тебя первоклассный хирург.

Возмущение Марсело было столь же наигранным. Он схватился за сердце, будто его пронзили стрелой, а мог бы с тем же успехом взвалить дочь себе на плечо и закружить на месте. Мог бы, если бы, конечно, его плечо не было так тяжело «ранено». Взаимная приязнь отца и дочери была почти осязаемой. Марсело – кровный отец только Софии, и, хотя он хорошо относился к Майклу и ко мне (после женитьбы на моей матери было очевидно, что ему очень нравится растить мальчиков), София навсегда останется его маленькой девочкой. Пуленепробиваемый адвокатский фасад Марсело рушился, когда он паясничал, чтобы рассмешить ее, как делают отцы.

– Или мы можем угнать снегоход, – предложил Энди, разнежившийся в этом оазисе разговора. – Я видел парочку припаркованных снаружи и спросил, сдают ли их в аренду. Управляющий ответил, что они только для хозяйственных целей. Может, удастся подмазать ему колеса. – Он потер большим пальцем указательный и средний.

– Тебе сколько годиков, двенадцать? – съязвила Кэтрин.

– Дорогая, я просто подумал, что это было бы весело.

– Весело – это прекрасные виды, атмосфера и компания, а не спа, удары по мячам для гольфа с крыши и гонки за смертью.

– А по-моему, звучит заманчиво, – встрял я, и Кэтрин подогрела мою еду еще одним пылающим взглядом.

– Спасибо, Эрн... – начал было Энди, но Одри оборвала его громким кашлем. Он обернулся к ней. – Что? Мы все собираемся притворяться, будто его здесь нет? – Он сказал это, притворяясь, что меня здесь нет.

– Эндрю!.. – предостерегающе громыхнула Кэтрин.

– Да ладно! Когда вы в последний раз виделись?

Большая ошибка, Энди. Нам всем известен ответ на этот вопрос.

Моя мать огласила его:

– На суде.

Вдруг я снова оказываюсь на месте свидетеля, слушаю прокурора, который держит одну руку в кармане, а в другой сжимает огрызок лазерной указки и водит огоньком по залу, будто присяжные – это кошки. Что-то утверждая, он тычет красной точкой в фотографии затянутой паутиной поляны, которая мне до сих пор иногда снится, с наложенными поверх стрелочками, линиями и цветными прямоугольниками. Я отвечаю на вопрос, когда моя мать вдруг встает и выходит, в голове у меня только одна мысль: почему в судебных залах упорно ставят самые высокие, тяжелые и громко хлопающие деревянные двери из всех, какие только бывают. Что-нибудь более сдержанное лучше соответствовало бы обстановке, но архитектор, видимо, по ночам подрабатывал сценаристом в Голливуде и пожелал усилить драматический эффект входов и выходов. Правда, я думаю об этих чертовых шумных дверях только для того, чтобы не смотреть на брата, сидящего на скамье подсудимых.

Вы внимательный читатель и, вероятно, уже заметили, что за семейным обеденным столом есть пара пустых мест. Я успел сообщить вам, что Эрин приедет завтра утром. Единственный

ребенок Кэтрин – известная по происшествию с сэндвичем с арахисовым маслом Эми – не появится, потому что живет в Италии, а важность этого воссоединения семьи не превышает длительность пяти-семичасовой поездки на автомобиле. Но вы не должны удивляться и тому, что в этой сцене отсутствует Майкл. Вероятно, виной тому я.

Итак, теперь вам известны несколько вещей: почему моя мать отказывается разговаривать со мной; почему моего брата пока нет здесь; почему ему хочется иметь свежее постельное белье и холодное пиво; почему я не мог придумать какой-нибудь обычный предлог, чтобы не приезжать на этот уик-энд; почему Люси принарядилась; почему Кэтрин выделила на приглашении слова **«все мы»**.

Прошло три с половиной года с тех пор, как я стоял на коленях в паутине и смотрел, как мой брат убивает умирающего человека. Три года с тех пор, как моя мать вышла из зала суда, пока я объяснял присяжным, как он это делал. И меньше чем через двадцать четыре часа Майкл прибудет в «Небесный приют» свободным человеком.

Глава 4

С момента похорон со сложенным флагом, зловеще возлежавшим поверх гроба, и скамьями, заполненными полицейскими в белых перчатках и мундирах с отполированными золотыми пуговицами, я знал, каково это – чувствовать себя изгоем. Похороны полицейского демонстрируют лучшие и худшие стороны братства. Одним они предоставляют место и повод для гордости – я видел полицейского, который, держа шестиугольную фуражку на локте, открыл швейцарский армейский нож и вырезал на гробе знак бесконечности, вечной связи, – а других заставляют погрузиться в себя. Помню спор в вестибюле между двумя семьями покойного – по крови и браку и по синей форме, – каждая настаивала, что знает, что лучше: кремация или похороны. Борьба была бесполезной, в конце концов победила кровь, и тело похоронили. С точки зрения закона это имело смысл, но я также видел копов, которые сидели в патрульных машинах и, вероятно, вели разговоры в духе «если я умру», как солдаты, которые кладут в нагрудные карманы письма друзей. И как тут рассудить, кто прав?

Похороны были суетливые, больше похожие на кипящую жизнь съёмочную площадку, чем на благоговейное прощание в церкви. Людское внимание – фотографии перед входом, вращающиеся, как на шарнирах, головы и косые взгляды, шокированный шепот: «Боже, вон там его дети!» – все это научило меня, что есть разница, когда за тобой наблюдают и когда видят. В значительной степени это односторонний вуайеризм – «его дети», он формирует вокруг тебя пузырь, запирает в нем. Помню, я смотрел на взбитые сливки, капавшие с маминого безупречного черного платья, когда мы выходили из церкви, и вдруг с абсолютной уверенностью ребенка понял две вещи. Отец умер. И мы вместе в этом пузыре.

Быть матерью двоих мальчиков, растущих без отца, – это немалый подвиг. Одри приходилось менять обличья: тюремный надзиратель,

раздраженный сокамерник, берущий взятки охранник и сострадательный полицейский, который наблюдает за условно-досрочно освобожденными, – все в одном лице. Марсело, до того как завел собственную корпоративную фирму и начал виться вокруг, был адвокатом отца. Я решил, что ему жаль маму. Они с отцом, наверное, дружили. Не воображайте себе мужчину в белой майке с дрелью в руках (Марсело вешал полки всего один раз, причем они оказались под таким углом, что мама стала жаловаться на морскую болезнь); он просто приносил чековую книжку и расплачивался. Вскоре протянутая нам рука помощи превратилась в предложение руки и сердца. Когда Марсело вызвался стать маминим мужем, таща за собой свою маленькую дочь, мама повела нас с братом есть бургеры и спросила, хотим ли мы, чтобы они стали частью нашего пузыря. Меня убедил сам факт, что она задала этот вопрос. Майкл поинтересовался, богат ли предполагаемый отчим, и заказал себе чизбургер. Пока мы росли, случались дни, когда мы ополчались на мать, как часто бывает с подростками; иногда бунт по поводу пяти минут видеоигры растаптывает пятнадцать лет любви и заботы. Но не важно, как часто хлопали двери или раздавались крики, мы всегда – всегда – были втроем и вместе противостояли миру. Даже тетя Кэтрин вступала в наш круг только одной ногой и, вероятно, лишь потому, что была сестрой отца. Мать же неизменно подставляла плечо и ожидала, что мы будем поддерживать друг друга прежде и превыше всего.

Даже закона, очевидно.

Отчасти я понимал, почему она покинула зал суда: я прошел сквозь стенку нашего пузыря и встал на чужую сторону.

Понимаю, вы, вероятно, думаете, что три года – маловато за убийство, и вы отчасти правы. Парня этого – его звали Алан Холтон, если вам интересно, – пристрелили, и трудно было доказать, пуля или Майкл больше повинны в его смерти. Да, Майкл задел Алана своей машиной, когда тот, шатаясь, вывалился на дорогу после выстрела, и да, Майкл совершил ужасную ошибку, когда не отвез его

прямиком в больницу, но у него был безукоризненный защитник в лице Марсело Гарсия (известного партнерством в корпоративной юридической фирме «Гарсия и Бродбридж», теперь одной из крупнейших в стране, и отказом пройти сорок метров по снегу), который мощно оперся на печально известную «карьеру» Алана как рецидивиста, двусмысленность неучтенного стрелка и пистолет, который так и не нашли.

Само присутствие Марсело на процессе по делу об убийстве ошеломляло и, полагаю, смешало все карты парню с лазерной указкой, но это не укрепило бы в достаточной мере позицию защиты. Марсело заявил, что в сложившихся обстоятельствах от Майкла нельзя было ожидать рациональных действий. Хотя подсудимый не исполнил свою обязанность позаботиться об Алане (это важно, так как в Австралии ваш гражданский долг помогать другим людям материализуется только тогда, когда вы реально *начинаете* помогать кому-то, что я узнал в ходе процесса), посадив его в свою машину, но не доставив туда, где раненому оказали бы медицинскую помощь, он при этом опасался за свою жизнь, Ваша честь, так как не знал, находится ли где-то поблизости стрелок, не нападет ли он на него и не станет ли преследовать. Так что, не вдаваясь в подробности, приговор был: три года тюрьмы.

Дача показаний против брата дорого обошлась мне, и к моменту, когда были наконец обговорены все детали – торг о сроке тюремного заключения шел за закрытыми дверями кабинета судьи, – это уже не имело значения. Не раз в своей жизни я совершал необдуманные поступки, не самым лучшим было и согласие на приглашение Энди выпить в баре после ланча, но я все еще не решил, было ли выступление в суде одним из моих неправильных поступков. Разумеется, лучше бы я научился жить, держа язык за зубами, но я поневоле узнал, каково это – говорить открыто, и не уверен, что хуже. Я с радостью сказал бы вам, что дал показания, считая это делом совести. Но правда состоит в том, что за глухим рычанием Майкла: «Он просто перестал дышать» –

скрывалось нечто другое. Можно использовать здесь какое-нибудь клише вроде: «Я не узнавал своего брата», но в действительности все было наоборот. Я чувствовал, что он настоящий Каннингем. Видел его без прикрас. И если в нем таился такой грозный рык, у него были такие плечи, такие руки, которыми он выдавливал жизнь из другого человека, значит и во мне это тоже есть? Мне хотелось заблокировать эту часть себя. И я обратился в полицию. Надеялся, что мама найдет в себе силы понять, почему я так поступил. И рассчитывал, что, когда наступит завтра, во мне самом они тоже найдутся.

Признаюсь, меня немного пошатывало, когда я, скрипя снегом, топал в свое шале. Энди пришел в полный восторг от перспективы выпить с кем-то и охотно променял на нее верность супруге, так что я развлекал его, а он платил за выпивку.

Дядя Энди – специалист по газонам. Он выращивает траву нужной длины и качества на крикетных и футбольных полях. Это до ужаса скучный человек, живущий в невообразимо скучном браке, что, как мне всегда казалось, есть путь к доброй ссоре.

Я привез чемодан на колесиках с выдвижной ручкой, удобный в аэропорту, но не слишком подходящий для горной местности, хотя мне удавалось кое-как тащить его, по-заячьи скачущего, то приподнимая с земли, то опуская, вместе с повешенной на плечо спортивной сумкой. Был еще ранний вечер, но горы начали покрываться мраком, как только солнце зашло за главную вершину, и, несмотря на тепло нескольких кружек пива, бултыхавшихся у меня внутри, я немедленно ощутил перемену. Кажется, такое происходит на Марсе, там лишь только стемнеет, как по щелчку включается мороз. Энди после выпивки собирался пойти проверить джакузи, и я мысленно пожелал, чтобы он передумал, в противном случае персоналу придется выдалбливать его оттуда.

Несмотря на холод, когда я дотащил наконец свой багаж до утопающего в снегу шале, меня пробил пот. Снегу было до бедер, но

работники курорта разгребли лопатами каньон до моей двери, по пути его расширял мой чемодан. Застекленный фасад дома был укрыт навесом, так что снежные наносы на окнах не мешали обзору.

Возясь с ключами, я заметил краем глаза записку, воткнутую веточкой в снежный сугроб у двери. Я подобрал ее. Для письма был использован черный фломастер, и слова начали растекаться, как кровь, оттого что бумага промокла, это вызывало гадливое чувство.

Холодильник сдох. Копай.

В правом нижнем углу стояла заглавная буква «С»: София. Я нагнулся и рукой смахнул шапку с сугроба, обнажив серебристые верхушки шести закопанных для меня банок пива. После суда над Майклом София осталась единственной, кто поддерживал со мной отношения. Я осознал, насколько суровому семейному остракизму подвергся, когда даже Люси перестала присылать мне электронные письма с приглашениями на свои «бесплатные семинары». Но София меня не оставила. Может быть, потому, что, как и я, была аутсайдером. Отец внедрил ее в новую семью, в новой стране. Я говорю «внедрил», однако никто не взбирается по лестнице корпоративного права, уделяя при этом достаточное внимание детям, умиляясь им, души в них не чая, как Марсело, когда был рядом, так что на самом деле я имею в виду «зашвырнул». И хотя София не могла пожаловаться, что ее плохо приняли, думаю, она всегда ощущала этот наш невидимый пузырь. После того как суд уравнил шансы, мы превратились из сердечно привязанных друг к другу брата и сестры в искренних друзей. Вот почему она пригласила меня, и только меня, сыграть с ней в семейное лото.

Я снова присыпал снегом пиво, радуясь, что здесь, в горах, сохранилось хоть немного тепла для меня, и вошел в дом. Пространство внутри шале не было никак разделено, из-за уклона крыши создавалось странное впечатление потери равновесия, как на корабле. Довольно противное ощущение неустойчивости искупалось панорамным видом: первая деталь на этом курорте, которая оказалась такой, как описано в рекламе. Я не слишком горд

и готов похлопать свою тетушку по спине, говоря, мол, да, вид и впрямь захватывающий. Особенно когда пальцы последних лучей солнца сомкнулись в кулак над горной грядой и длинная тень пика сползала вниз по склону.

Крыша со стороны остекленного фасада была больше трех метров высотой, ее наклонный скат, лежащий на каркасе из деревянных брусьев, похожем на грудную клетку, тянулся вдоль всего шале, накрывал зону отдыха с диваном, телевизором, большим ковром и чугунным камином. Вероятно, кровля опускалась до уровня снежного покрова, а не до земли, потому что я с удивлением обнаружил сзади стену, уставленную шкафами с кухонными принадлежностями, и кубический альков ванной, где практичность снова взяла верх: наклонные души были еще одной уступкой видам. Где-то на трети длины дома располагалась лестница на чердак со спальней. Персонал заранее включил отопление – камин, вероятно, был декоративным, так как не был растоплен, – и кожа у меня покрылась мурашками, пока я привыкал к температуре внутри дома, войдя в него с улицы. Запах сырости, царивший в большом гостевом доме, сменился дубовым, пепельным, похоже исходившим от свечи с надписью: «Деревенский очаг».

Я оставил свой чемодан на колесиках посреди комнаты и засовывал спортивную сумку в один из шкафов, когда зазвонил стоявший рядом с телевизором телефон. На нем имелся маленький номер 4. Клавиатуры не было, только колонка кнопок для быстрого набора и маленьких огоньков с номерами шале и одним с подписью: «Консьерж». Сейчас горел пятый огонек. Это был Марсело.

– Одри неважно себя чувствует. – Он сказал Одри, а не «твоя мать». – Мы вечером закажем еду в номер. Увидимся за завтраком.

Пропустить семейный обед – это мне очень даже подходило; за ланчем я израсходовал бóльшую часть припасенного на выходные терпения. Я достал тепловатую бутылку воды из холодильника, который и правда сдох, София не ошиблась, и отвернул крышечку, потому как читал где-то, что день, проведенный в снегу, вызывает

более сильное обезвоживание, чем день на пляже. Потом я сходил за одной из закопанных банок пива, завалился на диван и не успел заметить, как уснул.

Проснулся я от стука в дверь. А как иначе. Вы ведь уже читали такие книги. Испытал момент паники, потому что иногда мне снится – ладно, вспоминается – удушье, и, только я вырвался из оков сна, огромное окно и ощущение пространства вызвали у меня мысль, что я уснул на улице. Горный кряж встречался с черным небом под невероятным сиянием звезд, не замутненных ни городским смогом, ни облаками. Ветер снаружи издавал звуки, похожие на стоны, срывал с крыши плевки снега и вихрем уносил их в небо. Ближе ко мне горы были тускло освещены галогеновым прожектором, включенным для ночных лыжников в соседней долине, а на склоне лежали костлявые пальцы теней от деревьев с голыми ветвями. Температура продолжала снижаться, холод пытался змеей заползть в дом; я как будто ощущал дыхание стекла, с которым сталкивался нагретый отоплением воздух.

Протерев глаза, я заставил себя подняться и поплелся к двери. Открыл.

На пороге стояла София, сложив руки на груди; в ее черных, спутанных ветром волосах блестели снежинки.

– Ну? – сказала она. – Ты привез деньги?

Глава 5

Ладно, послушайте. Вот в чем дело. Я вас не обманывал. Майкл попросил меня забрать деньги.

Когда он привез меня обратно домой тем утром – я молча сидел на месте пассажира и снимал липкие нити паутины с рукавов, – то сказал, что, вероятно, будет безопаснее, если я пока подержу их у себя. Ясно, что привело его к такой мысли: Алан либо забрал их, либо должен был кому-то передать, и что-то пошло не так. Имел ли Майкл отношение к той части, где «что-то пошло не так», я не представлял, но, если кому-то помогли облегчиться на несколько сот тысяч, эти люди, вероятно, захотят вернуть утраченное. Я был прокладкой – подушкой безопасности – на случай, если стрелок видел машину Майкла. Если, конечно, он вообще был, этот стрелок.

Я взял сумку с молчаливым пониманием. Вероятно, Майкл намекал, что заплатит мне за услуги, но я едва различал его слова, в моей голове звучало лишь подводное эхо, которое сопровождало движения губ брата. В немом оцепенении я вошел в дом, бросил сумку на кровать, потом меня вырвало, и я позвонил в полицию.

Через двадцать минут я в наручниках сидел на заднем сиденье полицейской машины и показывал двум зевающим детективам дорогу к поляне. Я знаю, сперва они не восприняли меня всерьез, так как попутно заехали в «Макдоналдс», торгующий навынос, а я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь давал свидетельские показания об убийстве в очереди за бургером. Это было до того, как все пошло вразнос. До того, как завывали сирены «скорых», появились фургоны теленовостей и даже вертолет приземлился посреди поля. До того, как появились обзоры на тему убийства и даже более популярные редакторские колонки, посвященные затянутому паутиной полянам (природная аномалия, спровоцированная пауками, переселившимися на новое место в связи с затоплением старого). До того, как меня поместили в камеру для допросов,

детективы стали совать мне под нос фотографии и, жарко дыша едой из «Макдоналдса», говорить, что Майкл меня кинул и мне остается только признаться.

Когда меня отпустили, продержав, вероятно, максимум возможного времени, я узнал, что Майкл вообще ничего не сказал. Они просто проверяли, не вру ли я во спасение собственной шкуры. Меня подбросили до дома. Я спросил, не хотят ли они по дороге заглянуть в «KFC», так как я не тороплюсь. Оказалось, им трудно угодить.

Только оказавшись дома и увидев сумку, стоящую на том же месте, где она была оставлена, я понял, что забыл рассказать им о деньгах.

Клянусь, я не сомневался, что полицейские обыскали дом. Сперва я был целиком сосредоточен на Алане и попытках вспомнить нужный поворот, сколько было времени, когда брат забрал меня из дома, когда вернул и когда просил ждать в машине. А потом я подумал, что деньги уже у них и в конце концов меня об этом спросят, но никто не спросил. И вдруг наступает следующий день, я подписываю листок бумаги, подтверждая, что там все верно и точно, а о деньгах так и не упомянул. И Майкл тоже – он ведь, наверное, не знал, что это я сдал его. Тут я подумал, может, он считает, что я по-прежнему на его стороне и храню их для него. И вот я уже на месте свидетеля, а о деньгах никто не заикнулся; ни Майкл, ни Марсело не вспоминают о них, чтобы припереть меня к стенке во время суда, а я наполовину готов к этому и понимаю, что давно упустил момент, когда можно было упомянуть о деньгах и не подставиться, в результате их существование так и осталось тайной. Судья выносит вердикт, я возвращаюсь домой, а сумка все еще там, но мир изменился. Мой брат в тюрьме, а у меня есть мошна с двумястами шестьюдесятью семью тысячами долларов. Теперь я сам точно знаю, сколько их, у меня было время подсчитать.

Вот еще одна причина, по которой я не мог пропустить этот уик-энд. Свой план я изложил Софии несколько недель назад и собирался завтра отдать сумку Майклу. Мне это не представлялось

извинением, потому что я не сделал ничего плохого, но, может, возврат денег был своего рода приношением. Не оливковой ветвью, но определенно чем-то зеленым (по крайней мере, метафорически, потому что там есть и не сотенные купюры). И почти все в целости и сохранности. Какой же я хороший брат.

– Они все тут? – спросила София, глядя на лежавшую перед ней на диване выпотрошенную сумку. Она нагнулась, вместо того чтобы сесть, и не решалась потрогать деньги.

– Бóльшая часть, – признался я.

– Бóльшая часть?

– Ну... случались неотложные траты. Три года прошло. Я не знаю, считал ли он их.

– Ты *говорил*, что он считал.

– Вероятно, он их пересчитал, – согласился я. – Но, может, не помнит точно.

– Знаешь, чем бы я занималась три года в тюрьме, подозревая, что брат украл у меня сумку с деньгами? Я бы думала об этом каждый день. О каждом центре.

– Полагаю, он считает, что я потратил их все, так что обрадуется тому, что получит...

– ...бóльшую часть...

– ...бóльшую часть обратно.

София преувеличенно шумно вздохнула, усилив эффект трепетом губ, и отошла к окну, постучала пальцем по стеклу и мгновение полюбовалась горами.

– Зачем ты взял их? – спросила она, вдруг посерьезнев.

София насквозь видела всю ту ложь, которую я лил фонтанами, убеждая самого себя, что деньги остались у меня случайно, так как я упустил момент, когда можно было о них упомянуть... так как был слишком смущен... думал, это усложнит дело. Она видела: тут кроется что-то еще. Простая жадность? Едва ли. Я не ожидал, что завтра Майкл заключит меня в объятия и разделит со мной

наличные, но я солгал бы (а обещал этого не делать), если бы не сказал, что в течение трех лет испытывал некое умиротворение, памятуя о лежащей в глубине моего шкафа сумке с деньгами, особенно в свете всего произошедшего с Эрин. Это были деньги, имея которые можно в любой момент встать и уйти. Это были деньги на случай, если все пойдет прахом. Это были деньги, чтобы начать сначала. Я не хотел их, но радовался, что они там лежат.

– Я их не брал, – завел я свою обычную песню. – Они у меня оказались.

София разочарованно нахмурилась. Она понимала, что мои оправдания хорошо отрепетированы.

Правда была такова: этим утром перед выездом из дома я взял две пачки банкнот и сунул их в бельевой ящик. Правда состояла в том, что, пока Марсело не вмешался в дело, я считал, что Майкл отправится в места не столь отдаленные на гораздо более долгий срок и деньги ему будут не нужны. Правда в том, что я не потратил больше исключительно и только потому, что не знал, откуда эти деньги и можно ли их отследить. В противном случае я, по крайней мере, положил бы их на счет и тратил проценты. Правда в том, что я до сих пор не решил, отдам ли завтра деньги Майклу.

Я привез их на случай, если он спросит. А Софии сказал о своем намерении для усиления ответственности, чтобы не дать себе пойти на попятную.

У людей, которые решились на что-то, бывает такой особенный вид. Внешне ничего не меняется, но вы ощущаете это шестым чувством, вроде как мурашки бегут по шее под чужим недобрым взглядом. И вот это произошло. Атомы в воздухе сместились. София приняла решение.

– А если я скажу тебе, что мне нужна часть этих денег? – вдруг выдала она.

Зазвонил телефон, напугав нас. Еще бы. Вы ведь читали такие книги. Загорелась маленькая цифра 2. И после двух звонков погасла. Я не успел даже руку протянуть, чтобы ответить. Посмотрел, сколько

времени. Четверть двенадцатого. Если вы следите за нумерацией страниц, то понимаете: только что кто-то умер. Но я об этом пока не узнал.

– Подумай о моих словах, – сказала София, и я сообразил, что она ждет от меня реакции.

– Сколько тебе нужно?

– Может, пятьдесят. – Она пожевала губу, взяла из сумки пару пачек, покачала на руке, будто взвешивая, и добавила: – Тысяч.

Как будто я мог подумать, что она пришла ко мне посреди ночи за пятьюдесятью долларами.

– Майкл знает, что деньги у меня.

– Он знает, что оставил их у тебя, а не что они у тебя есть. – София явно отрепетировала эти слова, иначе ее аргументы не загрузились бы в комнату так же гладко, как мои оправдания. – Ты можешь сказать, что деньги забрала полиция. Ты можешь сказать, что пожертвовал их. Или вообще сжег.

Тут самое время притвориться, что сам я не обдумывал такие варианты, но я этого не сделаю. Я заслуживаю доверия, помните?

– Что у тебя случилось? – спросил я, подумав про себя, что есть люди побогаче и находящиеся в лучших отношениях с законом, к которым она могла бы обратиться, например ее отец.

И пятьдесят тысяч – это, конечно, большая сумма, но София – хирург, владелица недвижимости: если ей нужны пятьдесят тысяч долларов (она сказала «может, пятьдесят», и, на мой взгляд, это означало, что нужно именно столько), значит такое количество денег требуется, чтобы залатать дыру между тем, что она может раздобыть сама, и необходимой общей суммой. И ей нужны наличные. То есть деньги надо достать быстро, тихо и неофициально. София, похоже, провалилась в более глубокую яму, чем хотела показать.

– Мне не нужна помощь. Мне просто нужны деньги.

– Они не мои.

– И не его тоже.

– Мы можем поговорить об этом завтра?

София положила деньги, но я видел, что она роется в своих ментальных заметках – проверяет, все ли сказала, что собиралась, как будто сидела на собеседовании для приема на работу и ей задали вопрос, которого все боятся: «Итак, есть ли у вас какие-нибудь вопросы к нам?» Вероятно, София решила, что использовала все самые убедительные доводы, потому что подошла к двери и открыла ее. Внутрь ворвался ледяной вихрь.

– Просто посмотри, как они обращаются с тобой. И ты до сих пор считаешь себя в долгу перед ними? Когда-нибудь ты поймешь, что семья – это не про то, чья кровь течет у тебя в венах, а про то, за кого ты готов пролить свою.

София сунула руки в карманы и шагнула в ночь.

Я вернулся к дивану и в легком ступоре посмотрел на деньги, пытаюсь проанализировать только что разыгравшуюся сцену.

«Права ли моя сестра?» – задался вопросом я. Хотя мои родные всеми силами старались исключить меня из семьи, я до сих пор чувствовал себя обязанным им. Не потому ли я здесь? Это был слишком сложный вопрос после чрезмерного количества пива и в опасной близости к полуночи. Поэтому я бросил самокопание, взял телефон и позвонил во второе шале.

– Алло? – К моему удивлению, в трубке раздался голос Софии. – Эрн?

– О, привет, София. – Я проверил огоньки на аппарате, точно ли набрал двойку. Может быть, я неправильно определил, какой глазок мигал на нем прежде? София не могла звонить мне и одновременно находиться в моем шале. – Прости, я только хотел проверить, что ты благополучно добралась. Уже ночь и вообще. Не хотелось бы, чтобы ты провалилась в расселину и пропустила воссоединение семьи.

– Ты называешь это воссоединением семьи? Семь человек? – София засмеялась, и в трубке затрещало. – Пфф! Белые люди.

Я попытался поддержать ее веселье, но в голове промелькнула мысль: «Мы с ней притворяемся нормальными?» Отчего я мигом напрягся и вместо смеха лишь сдавленно хмыкнул.

– Ладно, Эрн, – сказала София. – Спасибо, что побеспокоился обо мне. Обещай, что подумаешь.

Обещать было ни к чему – ни о чем другом я не мог и думать, – но пообещал. Мы пожелали друг другу «спокойной ночи», и я повесил трубку. Допил пиво, оставил шторы незадернутыми ради восхода и забрался на чердак. Там улегся на бок и стал смотреть на острые вершины гор, врезающиеся в бескрайнее небо, чувствуя себя очень маленьким. Я задумался: чем сейчас занимаются мои родственники? София находится, как и я, на середине горного склона и думает о сумке с деньгами; Эрин – в каком-нибудь мотеле с чесучими простынями на полпути сюда, думает бог знает о чем; а Майкл в последний раз глядит на то же самое небо сквозь тюремное окно, может быть размышляя о том, что бы он хотел сделать со мной.

Я задремал, недальновидно надеясь, что завтра все устаканится.

Глава 6

Проснувшись, я увидел непрерывный поток пуховых курток, шествующих мимо моих окон. Похоже, они направлялись к небольшой толпе, собравшейся в нескольких сотнях метров выше по склону, на заснеженном поле для гольфа. Человек тридцать. Рядом с этим сборищем, визжа мотором, промчался снегоход. Кто-то, находившийся еще выше на горе, махал руками. Я не мог понять, значит это «скорее сюда» или «не приближайтесь». Сигнальная ракета змеей взвилась в воздух, оставляя за собой светящийся след, и лопнула высоко в небе, на заснеженной земле отразилось ее красное свечение.

Свет хорошо распространяется по снегу, и, когда вспышка погасла, я заметил, что снег все еще мерцает: не просто красный, а смешанный с синим. Не пульсирующий, не мигающий, отражающий набор цветных огней, которые, должно быть, были у гостевого дома.

Полиция.

Съезжая вниз по перилам лестницы со своего чердака, как пожарный, я обжег руки и начал быстро засовывать деньги в сумку. К счастью, внимание прохожих было приковано к горе, и мне удалось собрать все деньги, спрятать сумку в шкаф и натянуть брюки прежде, чем кто-нибудь заметил то, чего замечать не следует. Наскоро завершив свой туалет, я распахнул дверь и увидел идущего мимо единственного в горах человека в джинсах.

– Энди! – окликнул я из дверей дядюшку, запрыгивая в левый ботинок. Он остановился, обернулся, махнул мне рукой, подождал. Я торопливо заковылял к нему по снегу. Мы находились в достаточно разреженном воздухе, так что я быстро запыхался. Мое дыхание затуманило пространство между нами и очки Энди. – Что происходит?

– Какой-то бедолага.

Он указал рукой на склон и пошел дальше. Его любопытный, а не испуганный вид ответил на мой вопрос прежде, чем я успел спросить: кто-то из наших? Я пошел в ногу с Энди, радуясь, что вчера вечером невзначай позвонил Софии и узнал, что она вернулась в свое шале. Застрять снаружи на всю ночь – это наверняка закончилось бы гибелью, даже при вчерашней тихой погоде. Я поежился. Не хотелось бы так окончить свои дни.

В снегу на спине лежал мертвый мужчина с почерневшими, обмороженными щеками. Он был полностью одет – черная лыжная куртка, черные перчатки, ботинки, – только лицо открыто, и на секунду в моей голове вспыхнуло воспоминание о другой темной груди посреди белой поляны. Я отбросил эту мысль, глядя поверх плеча стоявшего впереди меня мужчины. Вокруг собрались десятка два зевак, обещание драмы выкурило людей из гостиничных номеров, как ос.

Впереди нас стоял полицейский примерно моего возраста, может быть чуть помоложе, одетый в шапочку с ушами и куртку с шерстяным воротником, он пытался отогнать людей. Честно говоря, этот парень выглядел сильно взволнованным и как будто не соображал, что делает. Энди подошел к Кэтрин, которая опередила нас, хотя это происшествие в ее расписании не значилось. Казалось, все, не сговариваясь, сошлись на том, что десять метров – это достаточное расстояние, чтобы сохранить место преступления в неприкосновенности, и сам собой сформировался полукруг. Ночью снег почти не шел, так что и труп, и дорожки ведущих к нему вверх по склону следов были хорошо видны.

Из этих следов три пары направлялись вверх и только одна вниз. Обратная дорожка была неровной, кое-где рядом с отпечатками ног виднелись отпечатки помельче: я решил, что нашедший труп человек, в панике возвращаясь за подмогой, заваливался на спуске и упирался в снег рукой то здесь, то там. Вторая из дорожек следов,

идущих вверх, была прямой и четкой. Я решил, что эти отпечатки принадлежат копу, который сейчас рядом с телом.

Третья пара ног сперва двигалась вверх по склону, как и остальные. Но потом следы начинали петлять: взад-вперед, вверх-вниз в пределах нескольких квадратных метров. Как будто кто-то попал в невидимую ловушку и рикошетом отскакивал от стенок. Эти следы заканчивались у трупа. Обратной дорожки не было.

Люди вокруг меня тихо переговаривались, вытаскивали телефоны, делали фото, снимали видео. Никто, похоже, не расстроился. Не было ни утешающих рук, ни ртов, прикрытых в грациозном шоке одной рукой. Казалось, все были увлечены тем же, что и я: смотрели на тело из интеллектуального любопытства. Может быть, оттого, что этот человек замерз, он ощущался скорее частью гор, чем настоящим человеком, который полсутки назад еще дышал. Сцена была занимательная, но нестрашная. Никто не кричал, не проталкивался мимо нас, не бежал вверх по склону, утопая в снегу, чтобы добраться до своего родного человека. «Неужели его никто не знает?» – мысленно недоумевал я.

– Здесь есть врач?

Полицейский оставил попытки разогнать толпу. Он повторил вопрос, вглядываясь в людей и демонстрируя, что уровень его наблюдательности находится на нижнем краю шкалы, ранжированной от «С завязанными глазами» до «Как Шерлок». Мы находились на престижном горном курорте в пик сезона, половина из этих чертовых туристов – врачи.

Я заметил Софию, стоявшую напротив меня в полукруге. Она подняла руку.

Кэтрин наклонилась к Энди, шепнула что-то ему на ухо и покачала головой.

Полисмен подозвал к себе Софию, повел ее в обход следов. Сперва они остановились в нескольких метрах от тела, София указала на мертвого мужчину, полицейский кивнул, и она опустилась на колени рядом с покойником. Взяла в руки его голову и наклонила

ее сперва в одну сторону, затем в другую. Разлепила губы мертвеца. Расстегнула его куртку и засунула под нее руки. Махнула рукой полицейскому, и тот встал на колени рядом с ней, нерешительно позволяя Софии провести его руками по телу так же, как это сделала она. Когда София посчитала, что показала полицейскому достаточно, то застегнула на трупе куртку и встала. Ее короткий разговор с копом унес ввысь порыв ветра. Я увидел задумчивую серую тучу, пробивавшую себе путь над гребнем гор.

– Эрни, Энди! – позвала София, загребая руками воздух. – *Поднимайтесь сюда!*

Я глянул на полицейского, ожидая одобрения, и тот повторил жест Софии. Мы с Энди старательно обошли стороной оставленные на снегу следы, но вверх по склону их вело все больше. Выйдя из толпы зевак, я почувствовал, что ветер набирает силу. Щеки у меня горели. Когда мы добрались до нужного места, я не мог заставить себя глянуть вниз и вместо этого сосредоточился на Софии, а та задумчиво смотрела на труп.

– Нам нужно перенести тело! – прокричал полицейский, перекрывая голосом вой ветра. – Убрать его с глаз. Я видел гараж по пути сюда. Там достаточно холодно.

Мы с Энди кивнули. Полисмен указал на склон.

– Нам нужно идти вверх, – София взмахнула руками, очерчивая широкий круг, – вот так. Чтобы сохранить следы!

Она хотела нести труп в обход, хотя шел снег и это было почти бессмысленно. То есть ее волновала не только переноска тела, она, в отличие от полицейского, считала, что это место преступления. Коп не собирался ползать вокруг и все фотографировать, а, вероятно, рассчитывал на снимки любопытных туристов, то есть должен был радоваться, что не разогнал нас всех.

По молчаливому уговору мы с Энди, стоявшие в ногах трупа, взяли его за лодыжки, а София и коп – за запястья. Мы старались, как могли, держать его на весу, но пока телепались вниз, по колени увязая в снегу, голова покойника то и дело откидывалась назад и

прорезала борозду в свежей пороше. Труп не был таким уж тяжелым, но мы едва управлялись с ним. Чтобы ухватиться покрепче, я зацепил пальцами верхний край ботинка. Он был жесткий, с усиленным носком. София шла задом, пытаясь прижимать запястье трупа к груди, а коп повернулся лицом к ветру, держа руки за спиной на высоте пояса. Энди пыхтел рядом со мной. На середине спуска он повернулся ко мне, и я увидел, что челюсти у него сжаты в мрачной решимости; в бороде искрилась застывшая на морозе слюна.

Он заметил мой взгляд.

– Ты в порядке, приятель? Нужен перерыв?

Я покачал головой и не сказал: «Я в порядке. Мне было не впервой делать это».

Глава 7

Стеллаж из деревянных поддонов в сарае для технического обслуживания послужил столом прозектора. Вокруг нас на нескольких скамьях были разложены инструменты, на полу стоял снегоход с вытасненными наружу внутренностями, у дальней стены рядом со стопкой шин расположились несколько генераторов, на гвоздях висели снегоступы, похожие на теннисные ракетки, разных форм и размеров. Отопление отсутствовало, тонкие металлические стены и бетонный пол создавали ощущение, что ты находишься в холодильнике. Все это было похоже на импровизированный морг. Одно из преимуществ сильного холода – отсутствие трупного запаха.

Мы положили тело на стеллаж из поддонов. Они были немного маловаты, руки и ноги покойника свесились с краев. Дав себе небольшой отдых, мы стояли, тяжело дыша. Я старался не смотреть на обесцвеченное лицо мужчины. Про обморожения я читал – почерневшие конечности, отваливающиеся носы, пальцы, – но никогда не видел этого своими глазами. Полицейский наконец решил сделать несколько снимков. Энди тер большой палец ноги об икру. София дрожала, она сложила кисти лодочкой, поднесла ко рту и дула на них, но потом вспомнила, что недавно несла труп, и свесила руки по бокам. Полицейский закончил съемку и повернулся к нам.

– Спасибо, ребята, – сказал он. София выкатила глаза, напоминая копу, что она тоже волокла труп с горы. Он запнулся о свои следующие слова, но не исправился, а попер дальше: – Обычно тела не перемещают, но надвигается снегопад, и я не хочу, чтобы потом пришлось его откапывать.

Коп был на несколько дюймов выше меня, может, из-за ботинок на толстой подошве, и на несколько килограммов тяжелее, может, из-за теплой куртки, если не принимать в расчет его полные щеки. Кобуры

с пистолетом у него на бедре не было. Не знаю, почему я это заметил, просто заметил, и все. Глаза у него были темно-зеленые, ресницы заиндевели. Ясно, что это утро взбудоражило его, взгляд полицейского блуждал по сараю, пока наконец не остановился на трупе, что, казалось, совершенно прекратило в голове служителя порядка всякий мыслительный процесс.

– Я Эрни, – произнес я, пытаюсь вывести копа из ступора. – Эрнест Каннингем. Это Эндрю Милло. С Софией вы уже знакомы. Тоже Каннингем, дефис Гарсия.

– Гарсия дефис Каннингем, – с улыбкой поправила меня сестра.

– Давайте, дефис, уберемся отсюда к чертовой матери, – сказал Энди, который все время пребывал в неподвижности, как и коп, тупо уставившись на тело. – Мне от этого как-то не по себе.

– Ох! – Полицейский вдруг вспомнил о нашем присутствии. – Дариус. Офицер Кроуфорд, вообще-то, но можно Дариус. Формальности оставим для уровня моря. – Он протянул руку для приветствия.

Я указал на его запястье, где на манжете виднелось темное пятно. На другом рукаве было такое же – метка от перетаскивания тела.

– У вас на куртке кровь, офицер Кроуфорд, – сказал я, уклоняясь от рукопожатия.

Каннингемы не верят в панибратство с правоохранителями.

Кроуфорд побледнел. Посмотрел на свои запястья и тяжело задышал.

– Что с вами? – спросил я.

– Я... гм... не имел дела с таким.

– С мертвыми телами?

– С убийствами, – встряла София.

– Ну, возможно, но давайте пока хранить это в секрете.

Кроуфорд слабо улыбнулся. На снегу он казался туповатым, но вблизи выглядел еще хуже. При виде крови его не только затошнило, он к тому же понял, что по уши увяз в этой истории.

Энди, глядя на Софию, вопросительно произнес одними губами: «Убийство?» Даже в его мимике отчетливо слышался скептический тон. София торжественно кивнула.

– Наверное, я должен спросить, знаете ли вы этого человека? Вы можете опознать его? – продолжил Кроуфорд.

– Это допрос? – поинтересовался я. Я провел слишком много часов за прозрачным зеркальным стеклом, чтобы отвечать на вопросы, не зная, кто их задает и зачем. – Почему бы вам не спросить, кто нашел тело?

Кроуфорд покачал головой:

– Я пока пытаюсь выяснить, знаете ли вы его. Я добрался сюда первым из Джинди, но скоро появятся настоящие детективы, которые составят список подозреваемых и все такое. Но я должен понять: он жил здесь, в отеле, или пришел через перевал. Может, это заблудившийся любитель ночных катаний на лыжах.

– На нем нет лыж, – сказала София.

Я заметил, что она очень бледна – белая, как лежавший на земле снег.

– Да, я понимаю. Сделайте мне одолжение, присмотритесь к нему. – Кроуфорд показал нам на своем телефоне снимок лица покойника крупным планом. Оно было почти целиком черное, включая губы. – Никого не напоминает?

Мы все трое помотали головой. Я не только не узнал этого человека, но и при внимательном рассмотрении понял, что состояние его лица, скорее всего, вовсе не вызвано обморожением. София вдруг вскинула вверх руку и выбежала за дверь. Мы в смятении смотрели ей вслед, пока ветром до нас не донесло отчетливый звук блевания. Мы с Энди стояли и пытались сообразить: если догнать ее, это пойдет на пользу или только смутит бедняжку, а потому оба застыли в нерешительности.

Я задержусь здесь, чтобы упомянуть: мне известно о пристрастии некоторых авторов делать рвоту у женщины неизменным признаком беременности. Те же писатели считают тошноту

единственным индикатором вынашивания ребенка, не говоря уже об их убеждении, что рвота вылетает изо рта у женщины через несколько часов после удобного для развития сюжета зачатия. Под некоторыми авторами я понимаю мужчин. Я вовсе не собираюсь указывать вам, на какие подсказки обращать внимание, но София не беременна, договорились? Ей позволено вывернуться наизнанку просто так, по собственному желанию.

– Хорошо, – сказал Кроуфорд Энди и мне. Он выглядел довольным нашей реакцией на фотографию, похоже, считал свои обязанности по расследованию выполненными и даже как будто стал немного легче дышать, невзирая на близость трупа. – Думаю, пока это все. – Он подошел к скамейкам, покопался на них и нашел открытый латунный замок с ключом. Мы вышли за полицейским наружу, он со скрипом закрыл дверь сарая и завозился с замком. – Я бы сказал вам, никуда не уезжайте...

– ...но не можете, – закончил вместо него я.

– Эрнест уже сталкивался с этим, – добавила София, появляясь из-за сарая и вытирая рот. – С трупами, – робко пояснила она. – Но легче от этого не становится.

Кроуфорд тяжело вздохнул. Похоже, он устал. Про себя я заклеил его как деревенского копа, который бóльшую часть карьеры просидел в кабинете, закинув ноги на стол, или выписывал туристам вроде Люси штрафы за превышение скорости. Он испытывал, скорее, раздражение и досаду, оттого что привычное течение дня нарушено, труп его, похоже, совсем не интересовал.

– Хорошо. Я уже позвонил куда надо. Вы, как я понимаю, ждете еще одного гостя?

– Какое отношение это имеет к делу? – спросил я.

– Просто черчу палочки у «t» и расставляю точки над «i». Я буду в гостевом доме, если понадобится; надеюсь, скоро тут появятся детективы. Это зависит от снегопада и движения на дорогах. – Он с сомнением поглядел на хмурое небо и щелкнул замком.

– Убийство? – причитал Энди, пока мы шли вниз с горы. Толпа на склоне рассосалась, но в разных частях курорта торчали люди, наблюдавшие с разных точек, как мы заносим тело в сарай. Хорошо, что там нет окон, а то к ним прилипли бы обледеневшие лбы. – Этот парень явно провел ночь на улице и замерз. Ты, вообще-то, уже не врач и зачем-то ввязываешься в это дело, говоришь копу про убийство?

Я не знал, что София больше не практикует. Интересно, не о том ли шепнула Кэтрин на ухо Энди, когда моя сестра подняла руку в ответ на вопрос офицера Кроуфорда. Интересно, не потому ли ей нужны пятьдесят тысяч долларов. Я посмотрел на Софию. Если Энди намеревался поддеть ее, обидные слова отскочили от моей сестрицы. Выражение лица ничуть не изменилось. Она и бровью не повела.

– Кровь? – размышлял я вслух, пытаюсь для себя разобраться в случившемся. – У офицера Кроуфорда кровь на рукавах, потому что он нес тело. Если этот парень умер оттого, что провел ночь на морозе, откуда взялась кровь? Ты говоришь, на него напали?

– У него лицо почернело от обморожения, – возразил Энди. – Что ты, черт возьми, сказала этому копу?!

Девиз нашей семьи: «Non fueris locutus est scriptor vigilum Cunningham». В переводе с латыни это означает: «Каннингемы не разговаривают с копами». Я не изъясняюсь на латыни и не стыжусь признаться, что загуглил это. Энди был оскорблен от лица Кэтрин сотрудничеством Софии с полицией. «От лица» было типичной для Энди позицией. Его второе имя должно было быть Прокси – Посредник.

– Кровь из раны на шее. Ты нес его за ноги, так что не мог хорошенько разглядеть. И лицо у него не обморожено, а испачкано пеплом, – сказала София.

– Пеплом? От угля? Здесь? – удивился я.

– У него горло забито пеплом, пепел налип на язык. При вскрытии его найдут и в легких, я уверена. Это никак не объяснить. Если бы не

тот факт, что на теле нет ни одного ожога и оно найдено в снегу без признаков таяния, я бы сказала, что причина смерти очевидна.

– Просвети нас. – Энди слова Софии явно не убедили.

– Он погиб при пожаре.

Глава 8

Я не думаю, что люди будут сильно убиваться по поводу моей кончины – так, поговорят за завтраком. Мы ели вместе со всеми гостями курорта – для вчерашнего ланча Кэтрин заказала отдельный зал, – и в столовой велись оживленные разговоры. Их обрывки долетали до меня, пока я пробирался между деревянными лавками: «...совсем замороженный!»; «В прошлом году я тоже застрял на восьмой лунке, хотя обошлось не так ужасно, как у этого парня, может быть, ему стоит поработать над подсечкой»; «Говорят, он даже не жил здесь?»; «Я теперь глаз не спущу с Джейсона и Холли».

Встав в очередь, я прошаркал вдоль раздачи и наполнил свою тарелку. К бекону никто не прикасался, – очевидно, обитатели гостиницы не желали смириться со своей смертностью и избегали насыщенных жиров. Нагрузившись пищей, я присоединился к своим – сел рядом с Люси напротив Софии. И в результате оказался чересчур близко к матери, но посчитал, что, оставив между нами пустое место и устроившись по другую сторону от Энди и Кэтрин, я слишком нарочито подчеркнул бы свое отчуждение. Случившееся с мужчиной на горе обсуждали за всеми столами, и по-моему, это давало Софии прекрасную возможность изложить свою версию убийства, но она была необыкновенно тиха, сидела, опустив голову, и возила еду по тарелке, вместо того чтобы есть. Поэтому мне пришлось слушать, как Марсело мягко защищается от последних улетных инвестиционных предложений Люси, какой-то марзматической схемы, настолько многоуровневой, что для ее одоления без лифта не обойтись. Раньше я посмеивался над Люси, пока не понял, что компании вроде той, в лапах которой она оказалась, охотятся за женщинами, используя в качестве оружия феминистские идеалы – независимость как финансовую, так и профессиональную, – чтобы сформировать у них ощущение

собственной важности. Люси, муж которой сидел в тюрьме, была превосходной мишенью, чтобы подсадить ее на фальшивый успех.

Марсело, к его чести, спокойно выдерживал атаку этого Босса-Бэби, ожидая, когда она выдохнется.

– Рад, что тебе приятно быть причастной к какому-то делу, но не теряй чувства реальности. Как с той машиной, которую тебе подарили. – Марсело не удержался, чтобы слегка не поддеть невестку. – Я слышал, условия довольно суровые – ты можешь остаться с весьма высокой платой за аренду.

– Я отдаю себе отчет в том, что делаю, – пропыхтела Люси. – Мы, вообще-то, расплатились за нее вперед. – Последние слова она произнесла гордо, но Марсело ей явно не поверил. На этом Люси умолкла.

Окинув взглядом комнату, я увидел офицера Кроуфорда: он сидел один у окна и смотрел на пик. Ждал появления настоящих детективов, чтобы отправиться восвояси? Не знаю. В столовой горел весь свет, но с таким набычившимся небом атмосфера могла сойти за ранний вечер. Может быть, Кроуфорд наблюдал за дорогой и беспокоился, как бы ему не застрять здесь, наверху. Я сообразил, что с его места ему наверняка виден сарай для технического обслуживания, он не спускал с него глаз. И я немного устыдился, что не отдал этому парню должное. Вероятно, он прорабатывал выдвинутую Софией версию. Я тоже обдумывал ее слова, вспоминал следы на снегу, как они металась по этой маленькой площадке, будто в невидимой клетке. Теперь я знал, что видел последние движения горящего человека. Отчаянный танец, броски взад-вперед, не разбирая направления, пока его поглощало пламя. И все же ни капли подтаявшего снега.

– Все, что я хочу сказать, – с энтузиазмом начал Энди, обращаясь к Кэтрин и прерывая мои мысли, – это то, что теперь мы знаем по биткойнам, куда нужно направить внимание. Речь идет не об удвоении или утроении, как с обычными акциями. Это совершенно меняет условия игры.

София вынула из кармана листок бумаги, размашисто поставила на нем крестик и подмигнула мне. Я вспомнил, что совсем не слежу за своей карточкой семейного лото. Отметить галочкой торговые подкаты Люси я не мог, так как она говорила с Марсело, а не со мной. А вот зачеркнуть нижнюю правую клетку (Сломанная кость ИЛИ Кто-то умирает) право имел, но решил, что это недостойно. По крайней мере, делать это на глазах у других людей, выиграть-то я хотел.

Посреди стола высилась пирамида из круассанов. Энди потянулся за одним, но Кэтрин шлепнула его по руке.

– Я мыл руки, – жалобно проверещал он.

– Некоторые вещи не смываются. – Кэтрин взяла булочку салфеткой и плюхнула на тарелку мужа.

Энди надулся и взял в руки нож с вилкой.

– Не волнуйся. Он доберется сюда до пурги, – сказал Марсело Одри, но наш стол так изголодался по разговору, что все наострили уши, почуяв возможность беседы. Даже я.

– Мы остаемся? – спросила Люси.

– Думаешь, они закрывают курорт всякий раз, как кто-нибудь врежется в дерево на спуске с самого крутого склона? – Марсело как ни в чем не бывало покачал головой. – Люди гибнут, оказавшись на природе. Не обладая необходимыми навыками и знаниями... Если не уважаешь горы, чего тут ждать? – Он пожал плечами с убежденностью человека, который не сомневается: если он успешен в чем-то одном, удача гарантирована ему во всем.

Я видел, как Марсело устроил скандал и орал на паренька за стойкой бара по поводу пены на кружке с латте. Если он не уважает баристу, разве он может уважать горы? Сомневаюсь.

– Плата не возвращается, – вставила Кэтрин между глотками апельсинового сока и бросила взгляд на Софию, будто та больше других была склонна возражать. – Мы остаемся.

– А какой смысл уезжать? – завершил свою мысль Марсело. – Если теперь мы яснее осознаем опасности.

Мы с Энди оба посмотрели на Софию. Я из любопытства, как она отреагирует; Энди, скорее, с вызовом. Моя сестра чиркнула вилкой по тарелке, но не подняла глаз.

– Майкл не захочет появляться в месте, где полно копов, которые задают вопросы о каком-то мертвеце, – высказалась Люси.

– У них не будет никаких причин задавать ему вопросы, – заявил Марсело. – Прошлой ночью он находился в двухстах километрах отсюда.

– Думаю, просто это нехорошо – напоминать ему о...

– Майкл сам решит. Когда приедет сюда, – раздался твердый голос Одри.

Она могла по праву матери положить конец этому спору. Мы остаемся. Точка. Это не обсуждается.

– А что, если это Черный Язык? – наконец произнесла София; Энди удивленно фыркнул и осыпал стол хлопьями от круассана. – Знаете, самая распространенная причина смерти при пожаре – это не ожоги, а удушье. Огонь забирает слишком много кислорода из воздуха.

– Не за завтраком, милая, – сказал Марсело.

– Немного драматично, – проговорил Энди, закашлявшись и стуча себя кулаком по груди, чтобы проглотить откушенный кусок.

– А что такое Черный Язык? – хором спросили мы с Люси.

– Просвети нас по поводу текущих событий, а? – подключился Энди, пронзая воображаемым кинжалом воздух, как псих.

– Я серьезно, – сказала София. – Энди, тебе я уже говорила на улице, есть кое-что странное в...

– Не втягивай меня в это, – отозвался Энди.

– Эрн?

– Я тебе верю, но мне было плохо видно.

– На Эрнеста я бы не стала полагаться – у него есть привычка вонзать нож в спину.

– Люси, перестань, – умоляющим тоном произнесла София. – Слушай. Из того, что я читала, могу сказать...

– Маленькая мисс, желающая стать героем, поставила диагноз, да? И мы должны верить тебе? – Голос Кэтрин был таким злобным, что я даже удивился. В особенности тому, какой упор она сделала на слове «верить». – Ты видела тело – сколько? Минуту, может быть, две?

– Я несла этого чертова мертвеца с горы. Поверьте мне. Тут дело нечисто. Офицер Кроуфорд будет спокойно ждать и надеяться на скорый приезд начальства, потому что, думаю, он не осознает, с чем столкнулся.

В детективах обычно встречаются два типа копов: Единственная Надежда и Последнее Прибежище. В данный момент единственной надеждой Дариуса Кроуфорда было стать Последним Прибежищем. Я не был готов полагаться на него больше, чем на пальцы подрывника. София, очевидно, оценивала его так же.

– Ты хоть сама-то себя слышишь? – Теперь уже Кэтрин открыто насмеялась над ней. Буквально как в школьном кафетерии. Если бы у Кэтрин было шоколадное молоко, она могла бы сейчас вылить его Софии на голову. – Ты не пьяна?

Энди мог понадобиться прием Геймлиха, если он и дальше будет давиться своим круассаном. Марсело, шокированный замечанием Кэтрин, резко вдохнул. Я же совсем не удивился, с момента аварии моя тетка и капли спиртного в рот не брала, ее оскорбляло все, кроме абсолютной трезвости.

– А ты разве вызвалась помочь? – вступил в разговор я, пусть София видит, что хоть кто-то на ее стороне.

Я не собирался расспрашивать сестру за столом, так как это могло спровоцировать полноценную перебранку, но мне было любопытно узнать поподробнее о том, что это за Черный Язык.

Кэтрин ответила мне, обращаясь напрямую к Софии через стол:

– Просто я решила, что он просит помощи настоящих врачей, а не отстраненных от работы.

Заметьте, только полчаса назад, глядя на тело, я узнал, что хирургическая карьера Софии, похоже, потерпела крах, и до сих пор

не разобрался, в чем тут дело. Я решил, что это кризис среднего возраста, карьерная встряска. Но Кэтрин обвиняла. Те же слова она, вероятно, прошептала Энди в толпе зевак.

София вспыхнула. Встала, и на секунду я подумал, что она сейчас бросится через стол на тетку и день у офицера Кроуфорда выдастся еще более кипучий, но вместо этого София сложила салфетку, бросила ее на тарелку и, прежде чем уйти, многозначительно заявила:

– Я все еще зарегистрирована.

– Обязательно было затевать это? – зашипел я на Кэтрин, когда сестра удалилась за пределы слышимости.

– Удивительно, что она не сказала тебе. Я думала, вы с ней спелись в последнее время. А то как же.

– Не сказала мне о чем?

– На нее подали в суд. – Кэтрин усмехнулась, а я сразу вспомнил про «может, пятьдесят». – Семья человека, умершего у нее на столе.

Энди за спиной жены изобразил, что пьет из бутылки. Теперь я понял, отчего Кэтрин с такой язвительностью обвиняла Софию в пьянстве. И подумал о шести банках пива, закопанных в снег у меня под дверь. Моя сестра любила выпить, но я никогда не замечал, чтобы она перебирала с алкоголем. Неужели София совершила ошибку? Почему она не сказала мне?

Я обратился к Марсело:

– Если на Софию подали в суд, ты защитишь ее?

Он посмотрел на Кэтрин почти с мольбой, но, встретившись с ее тяжелым взглядом, покачал головой и резко сказал:

– Она сама виновата.

Я подумал, что это совсем не похоже на Марсело; по-моему, София всегда была его маленькой принцессой.

– Ты взялся защищать Майкла в деле об убийстве, а родную дочь отказываешься?

– Майкл свое отсидел, – встряла Люси. – Не без твоего участия.

– Ты все еще защищаешь его! – выпалил я с большей горячностью, чем рассчитывал.

Потому что я распалялся, да, но злился вовсе не на Люси. Нам с ней следовало объединиться, по крайней мере в этом, но моя невестка явно решила, что лучше зароет голову в песок и переложит свой гнев на козла отпущения (меня), вместо того чтобы разбираться с настоящей проблемой – распадом ее брака.

Одри воспользовалась одним из своих обычных приемов – резко встала из-за стола, чтобы утихомирить нас. Все были вынуждены разойтись. Но я не угомонился. Моя злость не прошла. Кроуфорд с любопытством наблюдал за нашей семейкой, – вероятно, мы говорили громче, чем следовало. Интересно, знал ли он, что мы – Каннингемы, читай: автоматически подозреваемые. Ему известно, что мы ждем Майкла, значит, вероятно, и кто мы, он тоже в курсе.

– Не могу поверить, что эти слова приходится говорить именно мне, но неужели мы и правда собираемся каждый раз пулей вылетать из-за стола? Разве мы не способны провести вместе спокойно хоть полминуты? Это же воссоединение. Не пора ли нам начать типа воссоединяться?

Не знаю, почему я сказал это. Может, встреча с мертвецом так повлияла на меня, да и уход Софии напомнил об остракизме, которому я сам подвергался последние три года. Может быть, я решил наконец излить на кого-нибудь свою злость. Или съел слишком много бекона.

Если горящий человек не может растопить снег, то ярость моей матери, когда она впервые за эти выходные обратилась ко мне напрямик, точно могла бы.

– Воссоединение начнется, когда приедет мой сын.

Моя жена

Глава 9

Я не хочу говорить об этом.

Мой отец

Глава 10

Полагаю, пришло время рассказать вам, как умер мой отец.

Мне было шесть лет. Мы увидели это в новостях еще до того, как нам позвонили из участка. В фильмах полицейские всегда появляются у дверей и раздается приглушенный стук – вам он знаком, – по которому вы догадываетесь, какие дурные вести ждут вас за дверью, когда вы ее откроете, и копы стоят на крыльце без головных уборов. Знаю, это глупо, но, помню, зазвонил телефон и я подумал, что звонок какой-то торжественный. Ту же трель я слышал уже тысячу раз, но в тот момент она звучала на миллисекунду дольше и на децибел громче.

Отец всегда уходил куда-то по вечерам; такова была особенность места, где мы жили. У меня есть приятные воспоминания о нем, правда есть, но по большей части, думая о папе, я представляю места, которые после него остались пустыми. Легче было сказать, где мой отец побывал, чем увидеть, где он был. Пустое кресло в гостиной. Тарелка в духовке. Щетина в раковине в ванной. Три пустые ячейки из шести в упаковке пива, стоящей в холодильнике. Мой отец оставлял следы.

Когда зазвонил телефон, я сидел за столом на кухне. Братья были наверху.

Да, я сказал «братья». Мы до этого еще доберемся.

Телевизор был включен, но мама какое-то время назад убавила звук, сказав, что больше не может слушать этот репортаж. Вертолет освещал прожектором бензоколонку – похоже, полицейская машина врезалась в огромный белый фургон-рефрижератор, лед из разорванных пакетов рассыпался по смятому капоту, – но я все еще не понимал, что случилась беда. У мамы, наверное, было дурное предчувствие, потому что она, хотя и демонстрировала отсутствие интереса, слишком часто косилась на экран, я это заметил. И тактически закрывала от меня телевизор: то ей вдруг срочно нужно

было достать что-то именно из этого шкафчика, то настало время, как нельзя больше подходящее для того, чтобы оттереть застарелое пятно на скамье специальным моющим средством. И тут раздается звонок. Телефон был вмонтирован в стену рядом с дверью. Мама сняла трубку. Помню стук ее головы о дверной косяк. И шепот: «Проклятье, Роберт!» Я понимал, что она говорит не с ним.

Не знаю точно, как все случилось. Честно говоря, мне никогда не хотелось закапываться в это слишком глубоко, но за долгие годы я сумел составить общую картину из сюжетов новостей, оговорок матери и воспоминаний о похоронах, так что вам я расскажу. В моей версии событий имеется несколько неизбежных допущений, смешанных с теми обстоятельствами, в которых я почти уверен, а также с вещами, которые знаю точно.

Давайте начнем с допущений. Я предполагаю, что на бензозаправке имелась тревожная кнопка. Наверное, помощнику оператора сунули в лицо пистолет, но парень сумел нащупать дрожащими пальцами эту кнопку на внутренней стороне прилавка. Я догадываюсь, что эта кнопка послала сигнал в полицейский участок, а оттуда он был передан ближайшей патрульной машине.

Теперь о вещах, в которых я почти уверен. Я почти уверен, что стрельба началась до того, как патрульная машина остановилась. Я почти уверен, что, когда пуля попадает в шею, это вызывает медленную и мучительную смерть; слышал, что это похоже на утопление. Я вполне уверен, что первая пуля попала в водителя. Получив ранение в шею, он врезался в рефрижератор.

Вот что я знаю точно. Напарник водителя-полицейского, сидевший на месте пассажира, вылез из машины, зашел на сервисную станцию и три раза выстрелил в моего отца.

Я знаю это точно, потому что тот же полицейский подошел к моей матери на официальных похоронах с огромным куском торта и сказал: «Я покажу вам, куда попал. – Мазнул испачканным сливками пальцем по ее животу и прорычал: – Вот сюда. – Потом, завершая

липкую спираль на ее бедре, добавил: – Сюда. – А потом шмякнул остаток торта ей в центр груди со словами: – И сюда».

Мама не дрогнула, но я помню, что услышал, как она, когда коп вернулся в кружок своих приятелей, хлопавших друг друга по спинам, шумно выпустила через нос задержанный в груди воздух.

Боюсь, это один из трюков, которыми пользуются писатели. На тех официальных похоронах прощались не с моим отцом. А с человеком, которого он убил. Мама сказала: мы должны пойти, потому что это правильно. Она сказала, что там будут телекамеры и о нас будут говорить, если мы там появимся, но еще больше разговоров начнется, если мы не сделаем этого. И тогда я узнал, что такое быть изгоем. Я был теперь не я. Не только на похоронах, в школе тоже. И позже, когда мне пришлось рассказывать о своем детстве девушке, с которой я встречался. И потом, когда я не хотел рассказывать девушке о своем детстве, а она все равно меня загнулила. (Эрин со своими душевными травмами, нанесенными склонным к насилию отцом, стала одной из первых, кто понял меня на этом уровне.) Однажды детектив из Квинсленда десять часов ехал в Сидней только для того, чтобы обвинить Каннингема в нераскрытом нападении, произошедшем в его дежурство. Мне в то время было шестнадцать, и я ни разу не покидал пределов штата. Догадываюсь, что после испытанного унижения обратный путь на север показался этому парню очень долгим: мало того что его главный подозреваемый, как выяснилось, был подростком без водительских прав, так Марсело еще посоветовал ему засунуть свой неизвестно где откопанный анализ волос себе в зад. Я вот о чем: наша фамилия попадает в список даже в таких сомнительных случаях, как сходство волос (не принимается в суде с 1990-х по основательной причине), и может даже быть подчеркнута. Как в тот раз, пару десятков лет спустя, когда детектив Макмаффин держал меня в камере для допросов и не верил ни единому моему слову. Я больше не был Эрнестом Каннингемом. Я стал «его ребенком». Моя

мать превратилась в «его вдову». Наша фамилия играла роль несмыслимой татуировки: мы были родственниками убийцы копа.

Мать стала для нас законом. Она не любила полицию, мы тоже. Думаю, Марсело понравился ей сперва потому, что защищал как адвокат мелких жуликов вроде моего отца и при этом относился к закону без уважения, отыскивая в нем лазейки и возможность смухлевать. Корпоративное право – это следующая ступень в эволюции надувательства: те же преступники, только ездят на более дорогих машинах. Даже теперь тень отца нависала над нами, и если бы мы столкнулись с городским копом, а не с полицейским Последнее Прибежище, которому пришлось иметь дело с покрытым пеплом трупом, я не сомневаюсь, мы уже были бы в наручниках. В качестве главных подозреваемых.

Теперь вам известно, как умер мой отец. Накачанный чем-то (рядом с его телом нашли шприц), он попытался ограбить автозаправку ради нескольких сот долларов. Согласен, я кретин, что закопал это в десятую главу. Но я поместил рассказ об этом здесь по причине его важности. И решил, что вам следует знать, как мы научились понимать, что такое быть Каннингемом: замыкаться в себе и защищать друг друга. За завтраком София почувствовала, что для нее эта дверь закрывается. И даже я, образцовый изгой, с прохладцей вступился за нее, все еще силясь одной ногой остаться в кругу своих. Так мы обычно действовали. Пока той ночью, на затянутой паутиной поляне, я не заметил в глазах своего брата отблеск отцовской натуры и не попытался убежать от этого как можно дальше.

Non fueris locutus... Остальное я забыл.

Глава 11

На крышу вело полдюжины пролетов скрипучей, покрытой потертым ковром лестницы. Проходя мимо этажей, я заглядывал в коридоры: кажется, на каждом было по восемь комнат. У меня имелось несколько причин делать это. Первая: я хотел оценить примерное количество постояльцев. Если в отеле сорок номеров и пара из них пустует, значит в нем живут от шестидесяти до восьмидесяти человек. Вторая: я хотел узнать, не обходит ли номера офицер Кроуфорд. Рядом с телом он выглядел немного растерянным, и я сомневался, что ему раньше приходилось заниматься расследованием убийства, но все же полагал, что он сумеет выстроить линию элементарного опроса свидетелей. Наличие трупа требовало хотя бы минимальных безотлагательных действий, так я думал, однако Кроуфорд, судя по всему, никуда не спешил. Учитывая, что за завтраком столовая наполнилась перемалыванием слухов, а не была погружена в угрюмое молчание, я продолжал теряться в догадках: знает ли кто-нибудь погибшего мужчину и беспокоится ли о нем хотя бы один человек? Третья: у меня всегда была привычка совать нос в номера отеля во время уборки, мне попросту нравилось смотреть, что там внутри. Бывало, я возвращался в номер к Эрин и рассказывал ей, что в комнате напротив кровати стоят с другой стороны, телевизор висит на стене, а занавески на окнах не такого цвета, как у нас. Вроде бы глупость (давай, редактор, вычеркни этот кусок, попробуй), но спросите себя, случалось ли вам проходить мимо открытой двери в отеле и не заглянуть внутрь? Это невозможно.

Вспоминая об этом теперь, я понимаю, что меня так беспокоило за завтраком. Ощущение было, словно все проходят мимо двери, не заглядывая внутрь.

Может быть, тут я всего лишь невольно касаюсь темы любопытства, присущего людям как классу живых существ. Но куда

от него деться. Ведь я сам сидел в машине своего брата с трупом на заднем сиденье только потому, что мне было любопытно посмотреть, как поступит Майкл. Я человек, который пошел на крышу ловить мобильный Интернет, чтобы поискать в Google, кто такой Черный Язык. Я тот, кто нацелился заглянуть в слишком много дверей. Может быть, в конце концов это окажется важным.

На каждом этаже маленькие таблички со стрелками указывали расположение номеров и разных служб. «Столовая» и «Бар», а также «Сушильня» находились на первом этаже (важные помещения в детективах всегда четко обозначены и как будто имеют имена собственные), на разных верхних этажах находились «Прачечная» и «Библиотека», где, как я узнал из рекламного буклета, имелся камин, и поэтому я в первую очередь обвинил брошюру в том, что вляпался в эту историю, и решил, что теперь «Библиотека» просто обязана обеспечить мне почти сказочный уровень тепла и потрескивания, чтобы сгладить ситуацию, в которой я оказался, а также «Спортзал» и «Игровая комната», рядом с которой имелись слова «Бильярд/Дартс». Я велел себе меньше думать о трупе и наслаждаться выходными, расслабляться, насколько это возможно. Хотя я сильно сомневался, что мы с Майклом один на один станем играть в бильярд, меня не покидала уверенность, что мы найдем какое-нибудь братское совместное занятие. Вероятно, ему захочется покидать дротики. В меня.

Я поднимался выше, наконец маленькая стрелка рядом с надписью «Крыша» изменила направление и указала не вверх, а в сторону, и я увидел в коридоре тележку уборщицы. Очко в мою пользу. Я заглянул в номер: две односпальные кровати, дрянной холодильник.

На крыше уже стояла какая-то женщина и курила свою законную сигарету после завтрака. Я понял, что это не София, еще до того, как она обернулась, потому что это была ленивая курильщица: у таких окурки догорают в руке до самых пальцев, если они забываются, София же обычно восклицает: «О!» – и закуривает новую сигарету.

Люси в процессе курения будто накачивается газом, так что я опознал ее по коротким энергичным затычкам.

Холод пронизывал. Я засунул руки в карманы, и они оказались в тесном соседстве с несколькими крошечными бутылочками шампуня, которые перекочевали туда с тележки горничной (представьте, я не выше этого), и подошел к Люси.

– погоди, – сказала она и высосала душу из сигареты.

В университете у меня была подружка, которая жевала жвачку, прилепляла ее на ночь к изголовью кровати, а утром жевала снова. Люси так же обращалась с сигаретами – использовала их на всю катушку. Я видел, что она обещает себе: это последняя. И искренне верит своему обещанию, как обычно. Оказывается, на этот раз Люси была почти права. Ей предстоит выкурить еще всего одну сигарету.

– Интернет, – сказал я, в подтверждение вынимая телефон (заряд батареи: 54 %).

Мне пришлось стоять на крыше, чтобы поймать одну палочку Сети, да и она то и дело пропадала. Что, я вполне уверен, в таких книгах не простая случайность. Вам нужно просто смириться с этим. Мне известно, что надвигается штормовой фронт. И я знаю, что меня обворожило наличие какой-то немислимой библиотеки с камином в этом здании (которая случайно окажется местом, где я во всем разберусь). Все это пока очень в духе списка правил из руководства «Как написать детектив». Если вас это утешит, зарядка в телефоне не кончится ни у кого до страницы 316. Так вот, наличие Сети и заряд батареи – это клише. Не знаю, что сказать в свое оправдание. Мы в горах. Чего вы ждете?

– Прости, – сказал я. Мы стояли плечом к плечу, и я запустил свое извинение в пустоту между горами. Это единственный способ, каким мужчины способны выразить смирение: притворившись, что стоят у писсуара. – Я до сих пор думаю об этом, не нужно было так набрасываться на тебя. Просто решил, что сегодня, понимаешь, мы могли бы поддержать друг друга. Столько пережито вместе.

– Не хочешь ли заняться своим браком, а я займусь своим?

Это было довольно смелое заявление для человека, который ради куража прибегает к помощи никотина. Но мне не хотелось снова затевать ссору, а потому я сказал только:

– Справедливо.

Мы стояли молча и смотрели на горы. Издалека, от кресельного подъемника, донесся слабый механический лязг. Было еще слишком рано, чтобы кто-то надевал ботинки, но, судя по всему, наиболее жадные до впечатлений уже несколько часов как поднялись и искали свежайший снег. Сквозь верхушки деревьев я видел дорожки их следов, похожие на вены, реку, пробившую себе путь по белому плато внизу, и весь склон дальше, до того места, где земля из чисто-белой превращалась в рябую, пестро-коричневую. Ветер с воем вился у крыши, трепал закрытые зонты, насаженные, как на вертела, на шесты, вставленные в центры построенных в ряд деревянных столов. Энди был прав: у одного края крыши я увидел три квадрата с искусственной травой и подставочками для мячей. В дальнем конце за алюминиевой загородкой находился бассейн, крыша над ним была наполовину открыта, над водой стлался туман.

Мои глаза невольно метнулись к тому месту, где утром лежало тело. Оно находилось в отдалении от всего: ближайшего лыжного горного склона, деревьев и даже ведущей на курорт дороги. С высокой точки ничто не мешало обзору, и у меня сформировалось вполне определенное мнение: погибший мужчина ни при каких условиях не мог добраться туда, где его нашли, если он уже не находился в «Небесном приюте», просто его каким-то образом занесло слишком далеко.

– Ты видел его, – сказала Люси, удивив меня.

Она заметила, куда направлен мой взгляд. Я впервые по-настоящему взглянул на нее. Губы накрашены ярко-розовой помадой, глаза подведены. Уверен, Люси хотела выглядеть страстной, но от холода так побледнела, что краска совсем сошла с ее лица. В результате моя невестка напоминала персонаж из мультфильма. На ней был очередной совершенно новый свитер –

желтый, с высоким горлом, он так сильно облегал ее фигуру, что едва ли мог сойти за одежду для зимних походов.

– Когда коп попросил тебя и Энди отнести тело, он не подпускал нас близко. Но тебе удалось посмотреть?

– Вроде бы. – Я откашлялся. – Если бы это был Хэллоуин, я был бы задом осла.

– А?..

– Я держал ноги.

– И?.. – Люси выжидательно посмотрела на меня. – Он похож на Майкла?

– Ох, Люси! – Я понял, отчего в ее голос закралось отчаяние. Вероятно, во время завтрака она сделала предположение, но, будь оно верным, разговор за семейным столом шел бы в гораздо более мрачных тонах, однако никто ей ничего не сказал прямо. – Это был не Майкл.

– Ничего общего?

– Я тебе говорю, это не он. Вероятно, я здесь единственный, кто похож на него, и, по-моему, все еще... – Я театрально похлопал себя по телу, будто проверяя, что жив. – Да, все еще держусь на ногах. Слушай, София просто напугала нас. Хочешь узнать, о чем она говорила?

Я достал телефон. За столом во время завтрака Люси оказалась единственной, кроме меня, кто не знал, кто такой Черный Язык.

Люси покачала головой:

– Я уже посмотрела. Прошло много времени, но тогда, похоже, это была важная новость, об этом много писали в прессе, и, разумеется, журналисты придумали убийце звучное имя. Кто-то убил пожилую супружескую пару в Брисбене. И еще одну женщину в Сиднее.

Я понял, почему не слышал об этом. Последние пару лет я не мог выносить мрачные новостные сюжеты, так как сам был причастен к одному из них.

– Как их звали? – спросил я.

– Ах! – Люси листанула страничку на телефоне, пробегая глазами статью. – Элисон Хамфрис и... я не знаю. О... Вот. Уильямс – фамилия супругов. Марк и Джанин.

– София сказала, что они задохнулись? Как будто их... пытали?

– Это медленная смерть. Я бы лучше просто... – Люси изобразила пальцами пистолет и приставила его к виску, – чем проходить через такое. Люди беспокоятся, что это серийный убийца. Но таких убийств было всего два. Ну одно из них, конечно, супружеская пара, но их как считать – за одно или за два? Очевидно, что жертв две, при этом что делает убийцу серийным, каковы основные критерии?

– Я в этом не разбираюсь.

– Разве ты не пишешь о таких вещах?

– Я пишу, как писать о таких вещах.

– Может, тут главное – театральность, внешний эффект. Может, пара впечатляющих убийств стоит больше, чем целая череда обычных. Для газет это определено так. – Не успел я спросить, сойдет ли за впечатляющее убийство смерть человека, сгоревшего заживо на неподтаявшем снегу, как Люси продолжила: – София спятила. Я не верю, что на этом курорте скрывается серийный убийца. Мне просто хотелось выяснить, опознал ли ты тело, может, заметил кого-то вчера за обедом, или когда сидел в баре с Энди, или просто где-то вокруг?

Мне показалось, что это какое-то наскоро состряпанное объяснение.

– Почему тебя интересует, кто он?

– Его, похоже, никто не знает, и мне от этого не по себе. Притом никто вроде бы не пропал.

– Я уверен, тут есть гостевая книга. Может быть, он приехал один.

– Говорят, все постояльцы на месте.

– Откуда ты знаешь?

– Общалась с людьми. С владелицей. Это хороший способ, тебе тоже стоит попробовать.

– Покойник никого мне не напомнил, – признался я.

Да, конечно, я рассказчик, но интересно, что, кроме меня, кто-то еще копошится вокруг этой смерти. В детективных романах всегда ищут мотивы людей из списка подозреваемых, но занимается этим равнодушный дознаватель, видящий ситуацию со своей перспективы. Неужели я и вправду детектив только потому, что вы вынуждены слушать мой голос? Полагаю, вся эта история звучала бы совершенно иначе, если бы ее написал кто-то другой. Может быть, я в конце концов всего лишь Ватсон?

Так что же вызвало столь острое любопытство Люси? Почему она вместе со мной здесь, на крыше, ловит мерцающий Интернет в поисках ключей к разгадке? Я заметил легчайший признак разочарования в том, как она сжала челюсти, и кое-что понял.

– Ты пытаешься разобраться, так как хочешь избавиться от Кроуфорда, – сказал я. – Знаешь, чем дольше жертва останется неопознанной, тем больше полицейских сюда пришлют. И если Майкл на грани, это разрушит твои планы на выходные.

– Мне нельзя отвлекаться, – прошептала Люси, и у меня не хватило духу сказать ей, что в таком случае лучше бы она стерла свою флуоресцентную помаду. – Майкл должен вернуться в семью. И это мой последний шанс.

Я понимал, что у нее есть и другая причина для пребывания на крыше. Она охотилась за этой одной палочкой Сети. Надеюсь, что эсэмэска сумеет прорваться.

– Есть что-нибудь от него? – спросил я.

– Нет.

– А от нее?

Люси засмеялась:

– Думаю, она удалила мой номер. Я же бывшая. А у тебя?

– Я и не ждал.

– Полагаю, мы с тобой в одной команде. – Люси вздохнула.

– Тебя тревожит встреча с ним?

– Я знаю, он изменился. Но меня пугает насколько. Этой ночью я не спала. Все думала, вдруг он меня вообще не узнает. И гадала, что

осталось от него прежнего и осталось ли что-нибудь? Я боюсь, вдруг ничего больше нет.

Я не стал говорить, что сам боюсь другого: вдруг он вообще не изменился.

Мне пришло в голову, что Люси не спрашивала меня про деньги. Она не могла не знать о них. Это большая сумма, такую не утаишь в браке, подумал я.

Невестка снова удивила меня – протянула мне руку. Я взял ее: перемирие. Рука у Люси так сильно дрожала, что мне пришлось схватить ее за локоть, чтобы унять эту дрожь.

– Зря ты так с ним обошелся, – отпуская мои пальцы, пробормотала Люси так тихо и глухо, что я едва различил ее слова. Открыл было рот, чтобы возразить, но она отняла ладонь. – Я тебя не виню. Не настолько я узколобая. Но ничего бы не было, если бы ты не поступил так. Он все равно мог оказаться в тюрьме, но это произошло бы иначе. Вот за что я тебя ненавижу. – Люси не злилась, она говорила спокойно и искренне, и я понимал ее. – Я хотела сказать это тебе в лицо. Один раз.

Я кивнул. У меня было предчувствие, что она хочет сказать это мне – Один раз, так же как ей хотелось выкурить еще Одну сигарету, но я все понимал. За последние двадцать четыре часа я сам много думал о том же. И не винил ее.

По крыше прокатился рокот, рык мотора машины, сцепившейся с ландшафтом. Ветер подхватил его и притащил к нам. Я посмотрел на дорогу и увидел мелькающие за деревьями фары. Только это была не легковая машина, а среднего размера фургон. Такие нанимают для переезда. Он комичнейшим образом не подходил к окружающей обстановке и, подскакивая на ухабах, катил вниз по склону. Ему оставалось ехать досюда минут пять, может, десять.

– Ну вот, – произнес я.

Люси сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и непослушными пальцами вытащила из пачки сигарету, которая станет для нее последней.

Глава 12

Толпа, образовавшаяся на парковке, чуть выше по склону от входа в гостевой дом, мало чем отличалась от той, что раньше собиралась на горе: тот же опасливый полукруг, только вместо толкотни ради того, чтобы взглянуть на мертвеца, мы все были там, чтобы увидеть одного воскресшего.

Не одна Люси задавалась вопросом: сильно ли изменился Майкл? Никто из нас не навещал его в тюрьме. Вам не следует удивляться, что мое приглашение затерялось в почте, но то ли от смущения, то ли от стыда Майкл не хотел, чтобы к нему приезжали. Он решил относиться к тюрьме как к кокону, спрятаться в нем ото всех. Кое-какое общение с некоторыми членами семьи происходило, но не личное. Телефонные звонки. Электронные письма. Я не уверен, что отправка документов о разводе обычной почтой может считаться перепиской, но если да, значит Майкл написал несколько писем. Но контакты были редкими. Так что его приезд был действительно грандиозным событием.

Послышался скрежет дернутого вверх ручного тормоза. Потом мотор замолчал, фургон вздохнул рессорами, а дальше – только свист горного ветра. Треск молнии был бы сейчас как нельзя более кстати, но я обещал не лгать. На колесах грузовика Майкла я заметил совершеннейшим образом натянутые цепи.

Люси поправила волосы, затем, дохнув в ладонь, проверила свежесть дыхания. Моя мать скрестила на груди руки.

Открылась дверца со стороны пассажира, из машины вылез Майкл.

Некоторые из вас уже о чем-то догадались. Но пусть это пока подождет.

По прошествии трех лет и в связи с неизбежными в его обстоятельствах переменами, признаюсь, я ожидал увидеть брата вернувшимся как будто с необитаемого острова: курчавые волосы

длиной до плеч, густая борода и нервные глаза-бусинки: «Так вот она, цивилизация!» Вместо этого мы получили нечто совершенно противоположное. Волосы у него, конечно, отросли, но лежали волной, густые и пышные. Может, даже подкрашенные. Вероятно, у него было время привести себя в порядок, так как он успел побриться. И хотя я ожидал увидеть на лбу Майкла новые морщины – свидетельства пережитых тягот, – кожа у моего брата была гладкой, щеки румяными, а глаза яркими. Может, так повлиял на него мороз, а может, тюрьма с ее удаленностью от тревог и забот – этот недооцененный режим заботы о коже, – но будь я проклят, если Майкл не выглядел моложе, чем в момент посадки! В последний раз я видел его на скамье подсудимых, он сутулился, и костюм сидел на нем, как смирительная рубашка. Но теперь он выглядел посвежевшим. Возродившимся.

В длинной черной куртке поверх рубашки Майкл выглядел человеком, заплатившим за подъем на Эверест. Он глубоко, со вкусом вдохнул горный воздух и издал дикий крик:

– Куи!^[3]– который эхом разнесся по долине, а потом сказал: – Вау! Ну и местечко ты отыскала, Кэтрин.

Майкл покачал головой, изображая, как он потрясен красотой этого места, а может, его удивление было искренним, я не знаю. Затем он напрямик направился к моей матери. Полагаю, мне пора начать называть ее «нашей матерью». Или лучше «его матерью», или, пожалуй, я буду придерживаться Одри.

Майкл наклонился и обнял нашу мать, сказал несколько слов ей на ухо. Она схватила его за плечи и встряхнула, будто хотела удостовериться, настоящий ли он. Майкл засмеялся и произнес что-то еще, донесшееся до меня только шепотом, повернулся к Марсело, который крепко пожал ему руку и отечески хлопнул по плечу.

Мой брат обходил полукруг. Кэтрин получила объятие и воздушный поцелуй. Энди – рукопожатие, пробормотав: «Отличный фургон» – и добавив, мол, он надеется, у этого крепыша хватит силенок взобраться обратно на гору, как говорят в неловких

ситуациях мужчины, полагающие, что в такие моменты уместно завести речь о машинах. Мой желудок сжимался все сильнее, по мере того как Майкл приветствовал каждого человека, двигаясь вдоль очереди. Мы выстроились так, будто встречали королеву. Я чувствовал, как мое сердце бьется у меня в горле. Боролся с воротником. Слишком много слоев одежды. Я боялся, что уменьшусь в росте на фут, утону в подтаявшем снегу к моменту, когда Майкл доберется до конца очереди. София обняла его одной рукой, как будто неохотно вставала в пару на школьном балу, и сопровождала этот жест формальным:

– С возвращением, Майк.

Это не осталось незамеченным: моего брата за его жизнь как только ни называли – Мики, Каннерс, Хэм, Защитник, – но никто не называл его Майком. Когда он добрался до Люси, та уже сжевала с губ половину помады и упала ему в руки, будто у нее подломился каблук. Она уткнулась лицом в его шею и что-то прошептала. Я один находился достаточно близко и услышал его ответ:

– Не здесь.

Люси собралась, отстранилась от него и часто, судорожно задышала через нос, пытаясь изобразить спокойствие. София положила руку ей на спину. Наконец Майкл оказался в конце очереди, напротив меня.

– Эрн. – Он протянул мне руку.

Пальцы у него были по-тюремному грязные, ногти нечищены. Зато улыбка убедительно теплая. Я не мог определить, рад он меня видеть или преуспел в игре на сцене любительского тюремного театра.

Я пожал его руку и выдавил из себя:

– Добро пожаловать домой, – хотя и не был уверен в своей искренности.

– Не сомневаюсь, у Кэтрин уйма планов, но надеюсь, мы найдем время спокойно выпить пивка, – сказал Майкл.

В моей голове он спрашивал про деньги, но это не соответствовало его тону. Я чувствовал, что София следит за нами, пытается разобрать слова, и подозревал, что утешать Люси она принялась из тактических соображений – хотела быть на шаг ближе к нам.

– Есть несколько вещей, которые я должен сказать тебе. Надеюсь, ты меня поймаешь на слове, – добавил Майкл.

Если отшлифовать и произнести иначе слова «должен» и «несколько вещей», они превращаются в угрозу, но голос Майкла был... *смирным*. Только такое слово я могу подобрать, чтобы описать его. Эта встреча оказалась совершенно не такой, какой я себе ее представлял. Я пытался совместить стоявшего передо мной человека с тем, которого нарисовал у себя в голове: напитанного злостью, болью и жаждой мести. Думал, что, может быть, это напускное добродушие и маска спадут, как только мы останемся одни, но чутье подсказывало: Майкл не прикидывается. Назовите это братским чувством. Назовите зовом крови. Я привез сумку с деньгами в надежде, что он меня выслушает. Он привез рукопожатие и улыбку в надежде на то же.

Я кивал столь же часто, как Люси дышала. Мне удалось выудить «ага» откуда-то из пространства между задницей и языком.

И тут распахнулась дверца со стороны водителя. Это деталь, на которую большинство из вас обратили внимание, когда Майкл вылез с пассажирского сиденья.

– Ну и поездка выдалась, – потягиваясь, произнесла Эрин. – Как здесь кофе?

Глава 13

Предположим, это не такое уж великое открытие, чтобы с гарантированным эффектом завершить им главу. Мы все знали, кто сидел за рулем. Конечно знали: Люси уже приехала, а Кэтрин, разумеется, не могла отдать такой важный момент, как доставка Майкла, на волю случая и импровизации. Для меня не было неожиданностью ни увидеть Эрин, ни увидеть ее с Майклом.

Прежде чем вы обвините меня в намеренном оттягивании появления моей супруги из фургона, я подкину вам соображение, что у нее, может быть, прирожденное чувство момента или, скорее, она не хотела усугублять неловкость прибытия Майкла, а потому оставалась в кабине, пока он завершал череду своих королевских приветствий.

Я узнал о них через шесть месяцев после посадки Майкла. Думаю, я был первым, а уже потом новость просочилась к остальным членам семьи. Хотя я всегда представлял себе, что Люси узнала одновременно со мной: в домашнем халате и тапочках она нетерпеливо вскрыла большой желтый конверт, понимая, что это тюремная почта, так как он был разорван, выпотрошен и снова заклеен, моя жена примерно в том же стиле сообщила мне за завтраком, в остальном ничем не примечательным, что «планирует проводить больше времени» с моим братом Майклом.

Ладно, я оттянул этот момент.

Если вас удивляет сделанный мной выбор слов, большинство моих завтраков ничем не примечательны. Я просто никогда не считал, что трапезы с таким количеством молока могут быть драматическими. В моей жизни было всего три насыщенных событиями завтрака. О двух вы знаете. К третьему причастна сперма, но нам нужно познакомиться немного ближе, прежде чем мы доберемся и до этого.

Браки часто обвиняют в утрате искристости. Как будто в них есть какой-то сверхъестественный заряд энергии, которым можно распорядиться неправильно, растратить не на то. Вероятно, следует отметить, что, если бы даже моя супруга развивала отношения с моим осужденным братом исключительно по телефону и электронной почте, поскольку посетителей к нему не пускали, и я ничего не узнал бы, наш брак уже завершился. И не позволяйте мне изображать ее здесь виновницей всего, потому что она не виновата, наш брак просто закончился, и все. В ту ночь, когда приехал Майкл с мертвецом на заднем сиденье машины, мы уже спали в разных комнатах. В противном случае Эрин могла бы увидеть деньги, когда я швырнул их на свою кровать. Но проблемой была вовсе не искра. А зажигалка, кремьень, спички. И они не были потеряны, их забрали. Мы не утратили нашу искру, у нас не осталось инструментов, чтобы высечь ее.

– Не хочу, чтобы это выглядело странно, – пробормотала Эрин за тем завтраком.

И при этом крутила на пальце обручальное кольцо. Я углядел здесь метафору взрывающегося брака, а не признак того, что моя жена сильно похудела. Щеки и бедра человека отражают краткосрочные взлеты и падения, но когда ты видишь их на руках... Я знал, что мы оба истончаемся, но раньше мне приходилось стаскивать с нее это кольцо, будто я заводил цепную пилу. Видя, как оно болтается на пальце, я подумал: что же я делаю с Эрин? Не поймите меня неправильно, между нами не было никакой жестокости: ни ссор с руганью, ни швыряния тарелок. Но мы достигли той точки, где, даже просто находясь рядом, причиняли что-то друг другу. Возможно, если бы Эрин не крутила это кольцо, я сказал бы что-нибудь другое, но она крутила, и другого я не сказал.

– Можешь делать, что хочешь.

Она улыбнулась мне, глаза у нее блестели, но не оттого, что она улыбалась, и попросила не говорить пока Люси.

Я не чувствовал потребности попросить о чем-нибудь ее. Завтрак – неподходящее время. И потом, я вообще никогда ни о чем не просил. Хотя, конечно, думал об этом. Иногда я размышлял: может, ей просто нравится ощущение опасности. Я читал о таких случаях, когда женщины влюблялись в приговоренных к смертной казни, и некоторые из таких заключенных даже имели по несколько жен. Или человек, сидящий в тюрьме, был для нее облегчением. Ведь это отношения, в которых границы существуют в буквальном смысле, ей не приходилось беспокоиться о других вещах – вещах, которые разделили нас. Майкл был не способен совершать мои ошибки, потому что он вообще не пересекался с жизнью Эрин. Я перебрал все варианты, поверьте мне. Может быть, она напилась каннингемовского «Кул-Эйда»^[4] и, по иронии, видела в этом выражение преданности. Может быть, она больше верила в него, чем в меня. Может, у него был кремень. Когда меня захлестывала обида, чего я старался не допускать, я задавался вопросом: случился ли наш разлад оттого, что у них было нечто общее, к чему я не подходил? Это называется предвосхищением.

Разгадать Майкла было проще. Я всегда считал, что ему просто хочется отнять у меня что-нибудь.

Вылезание Эрин из фургона, хотя и не удивительное, было на самом деле грандиозным, так как к Майклу в тюрьму действительно никто не ездил не только из знакомых, но и из родных. В эти выходные я впервые увидел их вместе, и они впервые видели друг друга. Их отношения оставались для всех загадкой, и каждый из нас терялся в собственных предположениях, в чем они на самом деле заключались. Назовите меня фаталистом или просто ленивым, но я был рад не додумывать до конца: стал считать, что они вместе, но всегда останавливался за шаг до того, чтобы назвать их парой. Люси с ее увешанным ярлычками гардеробом и помадой яркой, как аварийный маячок, явно чувствовала, что она тут все еще может встрять. Отношение остальных, похоже, варьировало по шкале от

«Неверия» до «Приятия», но большинство зависли где-то возле отметки «Скепсис».

Оглядываясь назад, я думаю, что не мог в то время быть таким отстраненным, каким описываю себя здесь, мне тогда казалось, что они еще не провели вместе ночь, так как Эрин только этим утром забрала Майкла из исправительного центра Кумы, расположенного в двух часах езды отсюда. Ночевала она в мотеле с шершавыми простынями, как я представлял вчера вечером. Не знаю, почему это важно – какая разница, провели они вместе ночь или нет, – но признаюсь, такие мысли мелькали у меня в голове. Я упоминаю об этом здесь, наверное, потому, что если я думал о таких вещах, то Люси, вероятно, цеплялась за них.

Эрин проделала путь вдоль полукруга гораздо быстрее, чем Майкл, отчасти потому, что ей пришлось подать руку меньшему количеству людей, так как Люси демонстративно взялась завязывать шнурки. Когда Эрин добралась до меня, я протянул ей руку и произнес:

– Милые штучки.

Это наша тайная шутка; я рассчитывал на смех.

Эрин не улыбнулась. Вместо этого она взяла мою руку и холодно обняла другой. Мое ухо обдало теплом от ее шепота:

– Это деньги семьи, Эрн.

Слова были назойливые, украденные. Майкл сказал мне то же самое, когда закопал Алана. «Это наши деньги». Смысл был ясен. Он их заработал. Убил за них. Заявлял права на владение ими и предлагал мне долю за молчание. Не знаю, чего я ожидал услышать от Эрин, возможно, какое-то извинение, или, когда она потянулась к моему уху, что-нибудь страстное, или комбинацию того и другого: пылкое извинение. Но я не думал, что она станет вестником Майкла и, пока тот улыбается и говорит, что в долгу передо мной, я услышу холодное: «Это деньги семьи, Эрн». Не крылся ли здесь намек на возможные последствия, если я не подыграю им? Или это было

просто предупреждение? Эрин ушла до того, как я успел прийти к определенному выводу, а спросить ее на глазах у всех я не мог.

Группа быстро разделилась на фракции. Люси и София подошли ко мне и Майклу. Люси, предположительно, не хотела выпускать из виду мужа, а София, вероятно, не хотела, чтобы я болтал про деньги, пока не решил, дам ли ей что-нибудь. Эрин образовала кластер с моей матерью и Марсело. Стремясь не выказывать особого интереса, я пытался прочесть выражение лица Одри. Оно было мне незнакомо, и я решил, что, должно быть, это выражение теплого приема. Кэтрин присоединилась к стае Эрин, а Энди оказался выброшенным на мель посередине и медленно подгреб к нашей группе.

Майкл, вероятно поняв, что должен задавать тон и если он не заговорит, то все будут молчать, пытался непринужденно болтать, рассказывая нам, как по пути сюда заставлял Эрин останавливаться на каждой заправке и покупал на пробу разные шоколадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

**ВСЕМИРНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР!
Права проданы в более чем 20 стран мира!**

КАЖДЫЙ

В НАШЕЙ

СЕМЬЕ

КОЮ-НИБУДЬ

ДА УБИЛ

**В лучших традициях
Агаты Кристи и фильма
«Достать ножи»!**

БЕНДЖАМИН СТИВЕНСОН

Примечания

1

Шноркель – у автомобиля: впускная труба двигателя, выведенная на уровень крыши или выше, что позволяет транспортному средству преодолевать водные преграды. – *Здесь и далее примеч. перев.*

[Вернуться](#)

2

Эвеланш (англ. *Avalanche*) – букв. лавина; используется как женское имя.

[Вернуться](#)

3

Куи – крик австралийских аборигенов.

[Вернуться](#)

4

Пить «Кул-Эйд» – выражение иронично описывает поведение человека, который верит в какую-нибудь опасную идею из-за предполагаемой высокой награды, меняет свои взгляды под давлением окружения и из-за этого попадает в экстремальные ситуации или проникается какой-нибудь нелепой идеей до такой степени, что готов умереть за нее.

[Вернуться](#)